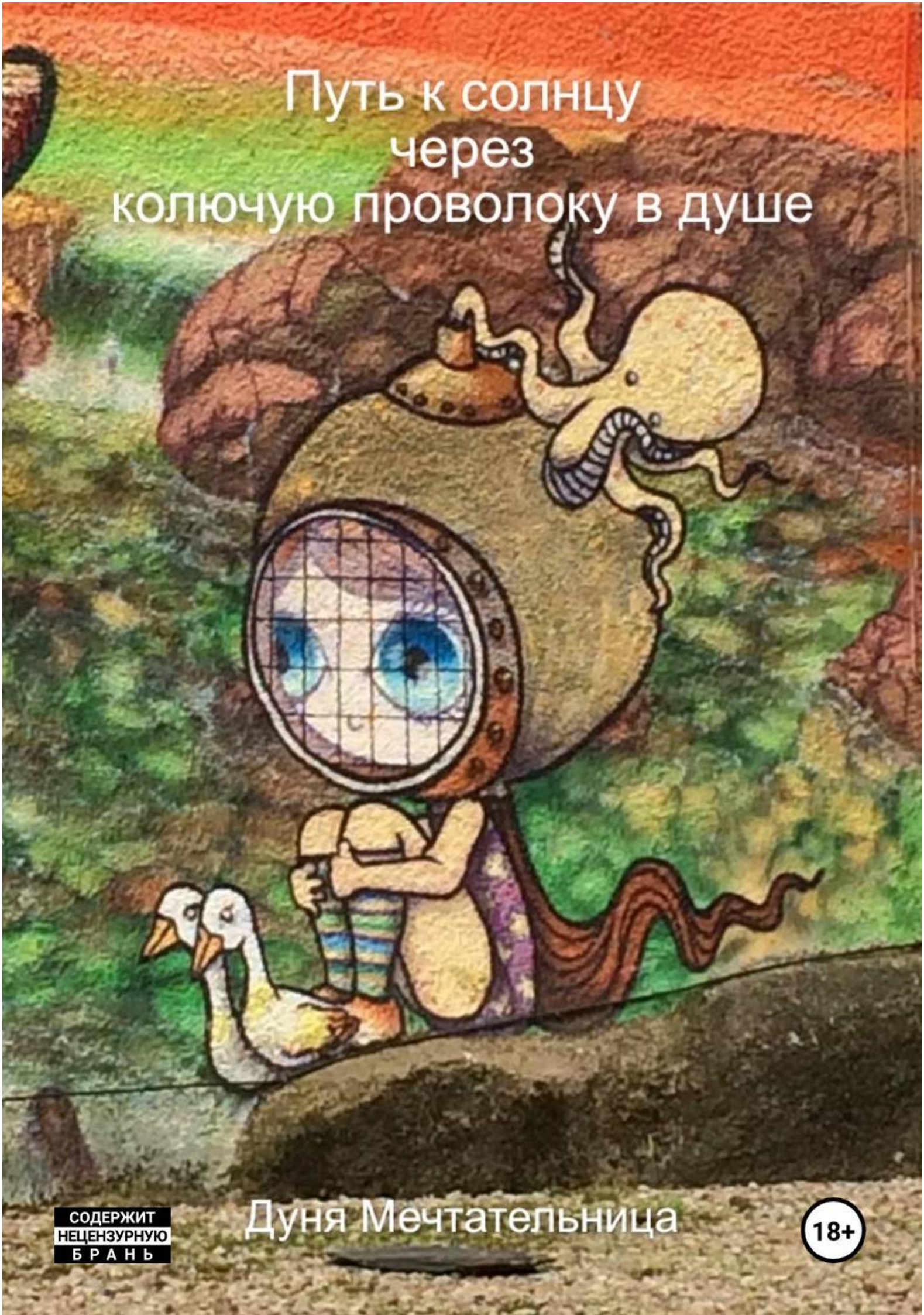

Путь к солнцу
через
колючую проволоку в душе
Дуня Мечтательница
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Дуня Мечтательница

Путь к солнцу через колючую проволоку в душе

«Автор»
2026

Мечтательница Д.

Путь к солнцу через колючую проволоку в душе / Д. Мечтательница — «Автор», 2026

Вторая книга из цикла о трех женщинах, которых, благодаря известному советскому фильму, принято называть "спортсменка, комсомолка, красавица". Они родились в СССР в 1972 году и, едва им исполнилось 18, поступили в один из самых известных и престижнейших вузов страны, где моментально приобрели статус первых красавиц. Принесло ли это им счастье? А смогли ли они сделать счастливыми тех настоящий мужчин, которые их окружали? Что влияет на жизнь человека больше всего? Характер? Внешность? Удача? И чем объяснить, что у некоторых буквально с ранней юности есть все это сразу, а счастья им так и не удается обрести? Судьба к ним несправедлива или, наоборот, в этом и есть высшая справедливость: если человеку очень многое дано, то с него больше и спрашивается?

© Мечтательница Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Часть 1 11
Как молоды мы были, 11
Как искренно любили, 11
Как верили в себя1 11
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Дуня Мечтательница
Путь к солнцу через колючую проволоку в душе

Пролог

Глава 1.

Сашка и Пашка дружили с детства, им было по четыре года, когда, впервые выйдя погулять на детскую площадку во дворе их нового дома, они познакомились в песочнице.

«Александр Павлов» – солидно представился Сашка, протягивая ладошку незнакомому пацану.

«Павел Александров» – не менее солидно представился тот, протягивая свою ладонь навстречу.

Их отцы сначала недоверчиво переглянулись, а потом, подтвердив друг другу кивком, что это правда, дружно заржали.

«Вот так шутка судьбы!» – отсмеявшись, сказал Сашкин отец, «Александр Павлов и Павел Александров встретились в одной песочнице, точно на всю жизнь друзьями станут.».

Так и получилось.

Всей этой истории ни Сашка ни Пашка конечно же не помнили и помнить не могли, уж больно малы были на тот момент, но вот рассказывали ее им потом столько раз, что обоим казалось – они ее помнят.

Детей их возраста, впервые появившихся в тех местах именно в этот год, было много. В 1962 году была завершена масштабная реконструкция Измайловской прядильно-ткацкой фабрики, а в 1968 на месте бывших бараков начато строительство трех пятиэтажных домов для сотрудников этой фабрики, приехавших туда на работу «по лимиту». К лету 1972 года это строительство было завершено, и работники, сплошь молодые семьи с детьми, познакомившиеся как раз на производстве на фабрике или в общежитии при ней и обзаведшиеся детьми, получили ордера на заселение.

Пятиэтажные хрущевки, построенные фабрикой, были не совсем обычными. Массовое строительство хрущевок в Москве было завершено еще в 1969 году, их постепенно вытесняли типовые панельные девяти и двенадцатиэтажки с лифтами и прочими удобствами, но фабрика, начавшая строительство еще в 1968, проект так и не изменила, хотя строительство в этих целях и приостанавливалось почти на два года. Причины этого были никому доподлинно неизвестны, но факт остается фактом – летом 1972 года заводчане массово заселялись именно в хрущевки.

Эти три дома, расположенные относительно друг друга буквой «П», вместе образовывали квадратный двор, с четвертой стороны которого располагался старый, также пятиэтажный без лифта, но кирпичный дом. Старый дом, в котором жили так называемые «старые» москвичи.

В целом, «старыми» москвичами называли себя те, кто имел московскую прописку по праву рождения, а не по лимиту, чем невероятно гордился, ставя себя тем самым как бы над «лимитчиками», приехавшими в Москву недавно и со своими устоями, и негласно (а порой, и гласно) считавшимися среди «старых» москвичей некультурным пьющим быдлом. Пьющими, и правда, были почти все работники фабрики мужского пола, и Сашкин и Пашкин отцы не стали исключением, но, в случае с их измайловским двором, жители старого дома были старыми не только в переносном, но и в прямом смысле этого слова, поскольку большинство из них уже приближались к пенсионному возрасту или даже его достигли.

В трех новых домах малолетние дети от младенчества до семи лет были почти в каждой квартире, но большинство составляли как раз ровесники Сашки и Пашки, что неудивительно – их отцы и матери приехали в Москву по лимиту практически одновременно в 1966 году, в течение первого года все перезнакомились и создали семьи, а в течение следующего 1968, зная о начавшемся строительстве жилья, быстренько обзавелись детьми.

В старом доме ребенок их возраста был всего один – Володя Кравцов, за год до этого оставшийся без трагически погибших родителей и переехавший по этой причине жить к бабушке и дедушке под их опеку.

Бабушка и дедушка Володи были людьми неглупыми, они прекрасно понимали, что Володе и в садик и школу предстоит ходить именно с фабричными детьми, поскольку все детские учреждения тогда комплектовались строго по месту жительства. Причем фабричных детей там, как и в их дворе, будет абсолютное большинство. Вот и получалось, что дружить Володе предстоит или с фабричными или ни с кем, а друзья то человеку жизненно необходимы, поэтому Володе они с первых дней внушали, что нет никакой разницы между «лимитчиками» и «старыми» москвичами, и уж точно нет никаких оснований кичиться своим превосходством только по факту того, что живет он в старом доме, а не в новых, как делали это все их соседи.

Володя все это понимал и не кичился, ища дружбы среди тех пацанов, кто был рядом. И найти такую дружбу ему оказалось совсем несложно, здорово помогла природная сердобольность Сашкиной мамы, да и многих других женщин, начавших отчаянно жалеть пацана, оставшегося в три года сиротой после трагической гибели родителей. Историю гибели родителей Володи Сашкиной маме однажды в самом начале их знакомства на все той же детской площадке во дворе рассказала Володина бабушка.

В августе 1971 года Володины родители вместе с сыном поехали отдыхать на турбазу в дельте Волги. Ничто не предвещало беды, мама, загорая, дремала в небольшой весельной лодке, покачивающейся на волнах у самого берега, отец рыбачил, а Володя играл рядом с ним на песке. Ветер, называемый в тех местах «Моряной», поскольку гнал воду из Волги не к берегу, как обычно, а в Каспий, поднялся внезапно, поначалу его никто даже не заметил. Отец, занятый своими рыболовными снастями, обратил внимание, что лодки с мамой нет возле берега только минут через пять, поднял глаза, гонимая ветром лодка была уже довольно далеко, почти на середине реки, и с каждой минутой только удалялась от берега. Его жена встревоженно металась в ней, пытаясь с помощью весел направить ее обратно к берегу. Грести она не умела, ну, как не умела, на спокойной воде грести умеют все, а вот с помощью весел правильно поставить лодку против волны, чтобы не перевернулась и курс держала именно к берегу – совсем нелегкая задача, а уж новичку практически непосильная.

«Прыгай и плыви сама!» – закричал отец Володи, знающий, что жена неплохо плавает и без лодки выбраться на берег ей будет намного легче, но ветер отнес его слова в сторону. Жена его не услышала и продолжала метаться в лодке.

Отец поплыл к ней, намереваясь догнать, залезть в лодку и выгрести самому, ну, или не выгрести, а дрейфовать в сторону моря вместе с супругой, дожидаясь спасения от проплывавших мимо судов. Когда он был уже недалеко от лодки, увидевшая его жена, почти обезумевшая от страха и считавшая приближающегося мужа единственным шансом на спасение, прыгнула в воду ему навстречу. Делать этого было уже нельзя, за примерно десять минут, что муж плыл к ней, лодку отнесло слишком далеко от берега, уставшая от попыток выгрести женщина шансов доплыть самостоятельно уже не имела, а у мужа не хватило сил ее вытащить. В результате, утонули оба.

Володя всего этого конечно же не помнил, он отвлекся от игры только когда какая-то чужая истошно орущая женщина схватила его на руки и прижала к себе, не давая смотреть в сторону воды, где суетились такие же чужие громко кричащие мужчины, спешно притащившие откуда-то из камышей моторку и пытавшиеся ее завести. Помочь родителям они не успели.

Володю через два дня забрал прилетевший за ним из Москвы дед.

Эта история наложила отпечаток на всю дальнейшую Володину жизнь, хотя знал он ее исключительно со слов бабушки и дедушки. В глубине души, он всегда считал, что мог тогда спасти родителей, если бы не увлеченно играл на берегу, а бегал возле мамы и канючил, требуя внимания, как почти всегда делал до этого. Тогда бы он смог заметить, что лодку с мамой относит от берега и позвать отца на помощь почти сразу, а не через время, когда сделать уже ничего было нельзя.

Однажды он сказал о своей негативной роли в гибели родителей бабушке и дедушке вслух, те тут же бросились его разубеждать, объясняя, что переход от беспрерывного канючинья у маминой юбки к самостоятельной игре для трехлетнего ребенка является нормальным, совершенно естественным, и никакой его вины в гибели родителей нет, но он им тогда не поверил. Ни тогда не поверил ни до сих пор не верил, только больше никому об этом уже никогда не говорил, всю жизнь лелея чувство собственной вины только в сердце и пряча связанные с ним негативные эмоции глубоко в душе.

Глава 2.

Сашка, Пашка, Володя и еще человек пятнадцать из их двора в сентябре 1972 года все вместе пошли в один детский садик, а еще через три года, также все вместе, в школу.

Сашка, Пашка и Володя оказались в одном классе, другие пацаны в трех параллельных, но ватага из семи пацанов-ровесников, образовавшаяся в их дворе, от этого не распалась. Вернее, почти до сентября второго класса ватага все-таки состояла из шести пацанов из новых домов и державшегося немного особняком Володи, которого в первые годы хоть и не травили, но до конца в кампанию все-таки не принимали, уж больно он ото всех отличался.

И отцы и матери остальных пацанов с утра до ночи посменно работали на фабрике, отцы все поголовно выпивали, и матери гораздо больше времени и сил уделяли борьбе с запоями мужей и попыткам наладить жизнь, несмотря на мужнее пьянство, а не детям, а Володина бабушка, едва взяв его под опеку, вышла на пенсию и всегда занималась именно им, он даже в музыкальную школу поначалу ходил, вот и не считали его пацаны до поры до времени своим.

В сентябре 1976 года, в самом начале второго класса, все изменилось внезапно и кардинально, когда Володина бабушка спасла Сашке жизнь.

В этот день пацаны, как обычно, пришли утром в школу, расселись за парты, Сашка с Пашкой, конечно же, сели за одну, как делали и до этого, буквально начиная с соседних горшков в детском саду, и потом еще девять лет после до самого окончания школы, на то они и лучшие друзья. Но уже вначале второго урока Сашка стал жаловаться учительнице на боль в животе, та отвела его к школьной медсестре. Не усмотрев в состоянии мальчишки ничего угрожающего, медсестра отправила Сашку домой, велев просто полежать. Отсутствие дома у восьмилетнего пацана кого-либо из взрослых тогда никого не смущало, все дети были очень самостоятельными, недаром их называли «ребенок с ключом на шее» (ключи от дома почти всем младшеклассникам, действительно, на шнурке вешали на шею, чтобы не потеряли), и домой после продленки шли самостоятельно, и обед или ужин могли себе разогреть на газовой плите, и уроки сами делали, дожидаясь родителей с работы.

Примерно через три часа, после окончания четвертого урока, Володя пришел домой и за обедом стал рассказывать бабушке про свой школьный день, упомянув, что Сашку отправили домой из-за больного живота. Бабушку эта информация почему-то взволновала, и она тут же заставила Володю отвести ее в гости к Сашке в соседний дом.

Сашка открыл им дверь, бабушка Володи его оглядела, обменялась с ним буквально парой слов на тему: «Где болит?», и бросилась звонить в скорую и в заводоуправление на фабрике. И мама и папа Сашки были на смене в цехах, никаких телефонов там не было, но бабушке удалось убедить секретаршу в заводоуправлении сходить в цех и позвать Сашкину маму к телефону. Пока мама ответила, скорая уже увозила Сашку в больницу с аппендицитом,

Сашкина мама спешно рванула прямо туда. Успели, пацана положили на операционный стол уже с угрозой перетонита, но еще до наступления угрожающих жизни последствий.

Когда Сашку выписали, он отчаянно хвастался всем пацанам своим швом на животе, считая его чуть ли не пиратским шрамом. Пацаны ему завидовали, а мама велела молиться на Володину бабушку, которая своим уж очень своевременным вмешательством буквально спасла его от смерти, поскольку до прихода мамы со смены в обычное время Сашка уже бы неминуемо умер, будучи дома в одиночестве.

Сашка маминым словам внял, бабушка Володи была для него слишком далеко, а вот сам Володя рядом, с тех пор он как бы взял Володю под свое крыло.

Ватага дворовых пацанов теперь уже из семи полноценных участников, прозванная соседями «пиратами» за свои бесконечные шкодливые выходки, носилась по двору и окрестностям с утра до ночи, играя во всевозможные игры и по несколько раз в день заходя к кому-нибудь домой на чай. Вернее, именно чаем с домашними плюшками их поила только Володина бабушка, дома у остальных пацанов они были предоставлены сами себе и чаще всего лакомились жженым сахаром, готовить который на плите тогда умели поголовно все. С той поры ходить в музыкальную школу Володя решительно отказывался, пришлось бабушке уступить.

Сашка и Пашка стали безотцовщиной в один день, когда им только-только исполнилось по двенадцать лет, их отцы, ставшие першими дружбанами на почве совместной выпивки, однажды ночью уснули пьяными в гараже, предварительно заведя машину, чтобы погреться, и угорели. Гаражи на задворках завода, где некоторые родители хранили свои Запорожцы (была тогда такая автомобильная марка, практически единственная более-менее доступная для простого рабочего класса), были постоянным пристанищем практически всех окрестных мужиков, где они проводили большую часть своего свободного времени, возясь в машинах, даже если своей у них и не было, и сопровождая досуг непременными возлияниями. «Мужик в гараже» было настолько всем привычно, что матери Сашки и Пашки, уходя тем вечером на смену, ничуть отсутствию дома мужей не удивились и не встревожились. Первое беспокойство они проявили только утром, когда вернулись с работы, но и тут предпринимать ничего не стали, поскольку это было даже не беспокойство, а скорее привычное недовольство непутевым мужем, вечно пропадающим где-то вне дома. Выспались после смены и только тогда стали выяснять друг у друга: «Где твой?», и, не получив ответа, решили сами сходить в гаражи. К тому моменту отцы Сашки и Пашки были мертвы уже почти сутки.

Отцов похоронили, матери, которые до этого, казалось, беспрерывно их ругали, убивались по умершим не на шутку, оглашая двор на поминках стенаниями: «На кого ж ты меня оставил?», а сыновья молча переглядывались друг с другом и с другими пацанами, не очень понимая, какой будет их жизнь дальше.

Дальше все осталось почти также за одним маленьким «но» – некоторые из их соседок, прекрасно понимавшие, что их мужей, если пить не перестанут, рано или поздно ждет та же участь, чтобы вырвать своих мужей из поголовно пьющего окружения, уговорили их уволиться с фабрики, разменять квартиры и переехать. Дети переехали вместе с родителями, пиратская ватага сократилась с семи до четырех человек. Вскоре и четвертый участник ватаги Егор от кампании отдалился, он учился в параллельном классе и сблизился больше со своими одноклассниками, а не с дворовыми пацанами. Так Сашка, Пашка и Володя остались втроем и до конца школы уже не расставались.

В десятом классе популярности этой троицы не было предела, все очень видные внешне, рослые, мускулистые, а, благодаря регулярным занятиям в дворовой качалке, еще и подтянутые, они были будто былинные три богатыря – Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович. И дрались постоянно как те самые богатыри, непрерывно отстаивая собственную честь, как они ее понимали, перед всеми и по любому поводу. Драться тогда вообще было принято и почетно: район на район, школа на школу, «не подходи к нашим девчонкам» и так далее.

Вот только дрались они несколько по-разному, хотя сами себе отчета в этом и не отдавали, Сашка – бесстрашный заводила всегда впереди, Володя – стратег, в драке Сашке ничем не уступающий, но побеждающий противника не безоглядным бесстрашием, а именно выверенным стратегическим расчетом, а вот Пашка всегда чуть позади них. «Пашка спину нам прикрывает!» – всегда с уважением говорили о нем друзья.

Примерно также они и учились, Сашка – троечник, потому что лентяй, и ему неинтересно, хотя способности и явно выше средних, Володя почти отличник, здесь и способности и интерес к учебе роль сыграли, Пашка – троечник без особых талантов.

В общем, к выпускному девочки от них просто млели, каждая втайне мечтала стать одному из троих женой, единственной и навсегда. Одна и стала, Пашке, забеременев от него или на выпускном или почти сразу после него.

Глава 3.

А вот после выпускного судьба трех друзей сложилась по-разному.

У Сашки уже очень сильно болела мать, таяла прямо на глазах от рака шейки матки, работать она не могла, вот и не стал Сашка никуда поступать, устроившись на ту же фабрику учеником мастера ткацкого цеха, чтобы на жизнь им с матерью начать зарабатывать.

Володя, получивший за школу серебряную медаль, до золотой по поведению все-таки не дотянул, в тот же год поступил на Юридический факультет в МГУ.

А Пашка, успевший заделать своей однокласснице ребенка, спешно женился и учиться пошел в техникум на пуско-наладчика станков с ЧПУ (числовым-программным управлением, автоматизированные или роботизированные комплексы по-современному).

В армию Сашку призвали прямо следующей весной. Поехал на призывной пункт в первых числах апреля, едва отгуляв с друзьями на Пашкиной свадьбе, чудом не переросшей в роды, поскольку по срокам они уже должны были наступить со дня на день, будущие родители до последнего ждали восемнадцатилетия обоих, чтобы процедуру так называемой «эмансипации», то есть получения разрешения на полную самостоятельность, в том числе, на заключение брака, до совершеннолетия, не проходить. По беременности эмансипация была вполне допустима, но уж больно много «геморроя» было с ней связано: заключение различных комиссий, в том числе по делам несовершеннолетних, решение местной администрации, вот и решили Пашка и его еще школьная визави с этим не связываться, а подождать официального восемнадцатилетия, благо у обоих оно наступало, как и у Сашки, в феврале, когда до родов было еще немного времени.

После армейской учебки Сашка отправился в Афган. О том, что мама умерла почти сразу, как об отправке единственного сына на войну узнала, ему стало известно только через несколько месяцев после ее смерти, когда письмо от Володиной бабушки дошло. Командиры толи не знали ничего, толи сообщать бойцу, едущему на фронт, о смерти матери не стали, в общем, на ее похоронах он не был. Известие о смерти матери итак бесстрашного Сашку сделало просто безбашенным, он будто решил, что возвращаться ему не к кому, а значит и незачем, и воевал оставшийся год в Афгане так, что «горы вокруг дрожали». Вернулся с медалями и без ноги, которую потерял буквально накануне демобилизации, ввязавшись в очередную авантюру, хотя даже командиры ему уже говорили, что до дембеля пару месяцев, лучше бы поберечься, раз весь предыдущий год Бог от него беду отводил. Командиров он не послушал, вот и приехал в Москву с культей ниже колена вместо левой ноги.

Приехал, а Москва будто совсем другая, на дворе апрель 1988 года, перестройка началась, а вместе с ней и гласность. И, как всегда и бывает в жизни, у каждой медали оказалась обратная сторона, у гласности в том числе – начали открыто говорить о многом, включая и рассуждения о том, что начавшийся вывод советских войск из Афганистана – болезненный урок всем воевавшим там, поскольку они непонятно с кем и, главное, за что воевали. Уважение

к воинам, вернувшимся оттуда, в обществе стало неуклонно падать, это пока еще было мало заметно, но, как говорится, в воздухе уже «попахивало».

Сашка от такого отношения поначалу даже немного потерялся, да и как ту не потеряешься – инвалид без ноги и без профессии, одинокий и никому, казалось, не нужный. Потеряться ему не дали Володя и его дедушка с бабушкой.

Едва Сашка порог родного дома переступил, к нему сразу Володя, заметивший друга из окна, прибежал, благо был не на учебе. Прибежал, оглядел того без ноги, и развил бурную деятельность, организовывая отмечание его дембеля. Сидели, в основном, втроем, Пашка служил в это время, его осенью 1987 года в армию призвали, до этого была отсрочка, пока дочке годик не исполнится и сам он техникум не окончит, но не в Афган, слава Богу, а вот Егора, который в детстве в их ватаге четвертым был, а потом в параллельном классе учился, Володя мигом разыскал и позвал выпить за кампанию.

Сидели душевно, выпивали, беседовали. Ненадолго сначала Володины бабушка с дедушкой заглянули, про мамины похороны ему рассказали, потом им на смену Пашкины мать с женой и дочкой подтянулись, тоже поболтали, бойкой малышкой похвастались, благо, жили то все по-прежнему в одном дворе. Разошлись только под утро.

И с того дня Володя и его семья от Сашки уже не отступались, старики вместе с ним пороги обивали, чтобы установки протеза ноги добиться, не давая совсем уж в черную тоску безысходности скатиться и запить или, хуже того, по Егорову пути пойти, Егор то к тому моменту уже с бандюками связался, почувствовав приближающуюся скорую новую реальность 90-х. Володя, разузнав, что в МГУ есть Рабфак, год на котором отучившись, можно знания школьные восстановить и поступить, бросился Сашку уговаривать именно этот путь выбрать, капал, капал на мозги, да и уговорил. С 1 сентября 1989 года Сашка на Рабфаке учился, а летом 1990 года в МГУ на тот же Юрфак, что и Володя к тому моменту окончил, поступил.

К этому времени и Пашка демобилизовался, только поступать никуда не стал, для работы на родной фабрике ему и диплома техникума, полученного еще до армии, хватило. Устроился в прядильный цех наладчиком тех самых станков с ЧПУ.

Часть 1

Как молоды мы были,

Как искренно любили,

Как верили в себя1

Глава 1.

Эту необыкновенную троицу Сашка приметил еще на первом вступительном экзамене, но подойти познакомиться тогда не успел. Этим экзаменом было сочинение, абитуриентов запускали всех сразу и распределяли по аудиториям, начиная экзамен одновременно для всех, а вот заканчивали писать и расходились по домам все в разное время, кто-то значительно раньше истечения отведенных четырех часов, кто-то минут за пять до конца, а кто-то хватался за свои листки до последнего, проверяя в тысячный раз запятые, пока экзаменаторы не начинали угрожать, что если сию секунду не сдаст, то уже вообще не примут. Троица писала в других аудиториях, когда они вышли, Сашка не знал, а когда вышел сам, их уже не увидел.

Осталось только вспоминать и ждать возможности познакомиться через три дня на следующем экзамене. А вспоминать было что! Вернее, тогда, на самом первом экзамене, всю троицу Сашка толком не разглядел, зацепился взглядом и обратил внимание сначала только на одну девчонку, буквально возвышавшуюся над стоящими рядом друзьями, да и другими абитуриентами, еще бы – при итак немаленьком, особенно для девушки, росте под метр восемьдесят, на ней были каблуки сантиметров двенадцать, не меньше, и мужская шляпа с узкими полями на голове. А из-под шляпы… Роскошь распущенных волос цвета воронового крыла, свободно спадающих вдоль спины аж до самой попы, блестящих и без единого завитка. И темно-бордовый брючный костюм в тон шляпе почти мужского кроя, но приталенный и с выточками на пиджаке в районе груди. Так в Москве лета 1990 года не выглядел вообще никто, мужской костюм и шляпа на женщине были нонсенсом, явно купленным за границей, ведь в Москве такое просто не продавалось. Не продавалось и никем не носилось, даже модным не считалось, уж больно экзотично, как и прибавлять себе роста за счет каблуков, если ты не малявка какая-нибудь. Но девушку это ничуть не смущало, она была красоткой во всех смыслах и прекрасно это понимала.

«Интересно, а под пиджаком есть что-нибудь или на голое тело?» – подумал Сашка тогда, но ответить на свой вопрос не успел, с такого расстояния этого было не видно, а подойти ближе уже времени не хватило.

Сашка периодически грезил этой девушкой все три дня, отведенные на подготовку к следующему экзамену, хотя усиленно и одергивал себя, заставляя готовиться, а не мечтать.

Приехав на следующий экзамен, он сразу стал искать девушку в толпе глазами, нашел довольно быстро, шляпы в этот раз на ней не было, но вот туфли на каблуках и мужской костюм были теми же, что и в первый.

Сашка решительно направился к ней.

«Привет! А где шляпа?» – спросил он, едва подойдя и даже забыв представиться.

«Дома пришлось оставить,» – с улыбкой ответила девушка, «в прошлый раз преподы целую истерику из-за нее устроили, считали, что я в ней шпаргалки принесла! Сегодня решила ее с собой не брать, чтобы лишний раз «гусей не дразнить».».

Сашка окинул девушку оценивающим взглядом, вблизи она оказалась даже лучше, чем показалась ему в первый раз: длиннющие ноги, шикарная подтянутая фигура с округлыми бедрами и в меру объемной грудью, прикрытой простой белой маечкой, выглядывающей из-под наглухо застегнутого пиджака. И лицо с такими же ультра-черными, как и волосы, длинными густыми ресницами и не менее яркими бровями на смуглой коже с высокими скулами и идеальным прямым носом, а вот глаза неожиданно оказались голубыми, да и небольшой рот с пухлыми губками был явно дан ей от другого родителя, не того, кто смуглый и с выступающими скулами.

Сашка нехотя перевел взгляд на ее друзей. Довольно красивый, высокий, как и сам Сашка, спортивного телосложения брюнет, одетый в строгий мужской костюм, и крохотного роста девушка с кукольным личиком, обрамленным копной вьющихся крупными локонами волос цвета спелой пшеницы, в голубом летнем платье и туфельках на плоской подошве. Все трое явно выделялись в окружающей толпе своими иностранными шмотками.

«Понятно, родители выездные, вот отсюда и такие наряды.» – подумал Сашка с некоторой неприязнью, зная, что на Юрфак МГУ сразу после школы стремится поступить множество считающих самих себя элитой детей дипломатов, поскольку котируется этот ВУЗ и факультет почти также высоко, как и традиционный для дипломатов МГИМО, но неприязнь эту он сразу же в себе и погасил, уж больно высокая девушка была хороша, грех было от знакомства с ней отказываться.

«Я Сашка, Александр Павлов, поступаю с Рабфака, до этого в Афгане служил.» – произнес он, протягивая руку парню.

«Я Юра, Юрий Гордеев. А это Аня и Оля,» – ответил тот, пожимая протянутую Сашкой руку и жестом указывая сначала на высокую девушку, потом на низенькую, «мы в прошлом одноклассники, учились вместе в средней школе при советском посольстве в Венгрии, потом Аня с родителями в Бельгию уехали, а мы с Олей так и остались в Венгрии, теперь вот все приехали поступать и здесь опять встретились.».

Когда Юра произносил «Бельгия», Сашке явно почудилась зависть в его словах, что, впрочем, было неудивительно, Бельгия – страна капиталистическая, ездить в такую во времена СССР было несравнимо престижнее, чем в Венгрию, которая относилась к странам социалистического лагеря, хотя и Венгрия большинству советских людей была совершенно недоступна, и считалась несбыточной мечтой.

«Высокая, значит, Аня, если я правильно понял.» – подумал Сашка, «Хорошо, что я такой высоченный уродился, метр девяносто два, она даже на своих каблучищах немыслимых все-равно чуть-чуть ниже меня.» – тут же мысленно добавил он.

В этот момент высокая девчонка к нему потянулась, тоже протягивая ладонь, и, заинтересованно разглядывая Сашку, нараспев произнесла: «Алекс, значит, а я Аня, Аня Большунова…».

От ее напевного и столь непривычно произнесенного на иностранный манер: «Алекс», Сашка даже немного оторопел, так его еще никто не называл. От растерянности хотел даже протянутую ею руку поцеловать, но вовремя одумался и просто легонько пожал.

«А она не просто Оля,» – добавила красотка, показывая на подругу, «она Оля Малышко, представляешь! Поэтому все зовут ее Малышкой!».

Услышав последние слова, Сашка расхохотался, и Оля-Малышка тут же явно обиделась, поджав губы и задрожав ресницами, как будто собираясь заплакать.

«Не обижайся,» – тут же отреагировал Сашка, «я Александр Павлов, а мой лучший друг – Павел Александров, представляешь! Наши отцы тоже ржали в голос, когда мы знакомились. Вот и у вас с Аней та же история – Аня высокая – Большунова, ты крохотная – Малышко, получается этакая «шутка судьбы», поэтому и смешно.».

Малышка кивнула ему в ответ, уже явно раздумав обижаться.

Глава 2.

В тот день они проговорили еще примерно полчаса, пока Большунову не позвали сдавать экзамен, он был устным, и в аудитории для сдачи абитуриентов звали небольшими группами в алфавитном порядке, вот Аню и вызвали первой из них четверых, Сашка даже телефон ее не успел спросить, но совершенно не расстроился, обзаведясь телефонами Юры Гордеева и Малышки, через которых красотку всегда можно было найти.

Перед оставшимися двумя экзаменами они уже обязательно болтали все вместе, а уж списки поступивших поехали смотреть, вообще договорившись заранее встретиться еще у метро и идти к Первому гуманитарному корпусу, где тогда располагался Юрфак, сразу вчетвером.

Гарантированно поступили из них только Большунова и Гордеев, набравшие на вступительных двадцать баллов из двадцати возможных, Малышка получила девятнадцать, а Сашка вообще только восемнадцать, но у него, как Рабфаковца и Афганца, были льготы, поэтому он рассчитывал, что должно хватить.

Возле вывешенных на дверях списков толпились люди, кто-то радостно кричал, кто-то, наоборот, отходил почти в слезах, их разговоров еще не было толком слышно, но Сашке показалось, что он уже уловил слова: «Проходной – девятнадцать».

«Похоже, я в пролете.» – с горечью подумал он, мимолетно пожалев о напрасно потраченных, по настоятельной рекомендации друга Володи, на подготовку к поступлению двух годах своей жизни, но тут же и отвлекся на девчонок, которые явно тормозили, не торопясь подходить к толпе.

«Я туда не полезу,» – произнесла Аня, «итак понятно, что я поступила, так зачем толкаться?» – спросила она как бы саму себя.

Малышка ничего не говорила, но тоже замерла, парни этого не заметили, уже начав ввинчиваться в толпу.

Они нашли свои фамилии в списке, проходной, действительно, был девятнадцать, но это для всех, для льготников, типа Сашки, восемнадцать было вполне достаточно.

Парни «вывентились» из толпы и подбежали к девчонкам, чуть не подпрыгивая от радости: «Все в порядке, мы все поступили!» – возвестили они. Аня улыбнулась им в ответ, а вот Малышка смотрела как-то странно, ее ресницы дрожали, явно предвещая скорые слезы, причем никакой радости в ее глазах Сашка не заметил.

«Ты чего?» – спросил Сашка Малышку, «Все же хорошо, сейчас отмечать пойдем, а ты чуть ли не ревешь!».

«Я боюсь, я так боюсь не увидеть своей фамилии в списках!» – сдавленно произнесла Малышка в ответ и… разревелась.

«Как не увидеть?» – не поняли друзья.

«Сказали же тебе, проходной для всех – девятнадцать, у тебя они и есть, для льготников даже ниже, поэтому и Сашка с его восемнадцатью поступил.» – стали наперебой успокаивать ее Аня и Юра, а Сашка просто протянул руку: «Пошли вместе посмотрим.».

Малышка тут же за него ухватилась, робко посмотрев полными слез и благодарности глазами, и Сашка, аккуратно, но уверенно раздвигая толпу плечами, потащил ее за собой. Уже перед самыми списками выяснилось, что Малышка с ее ростом «метр с кепкой», а точнее метр пятьдесят два, разглядеть свою фамилию в списках просто не сможет, она случайно оказалась в первой строчке одного из девяти листов, висевшего в верхнем ряду, до которого Малышка просто не доставала, Сашке пришлось взять ее под мышки и поднять, чтобы она, водя пальчиком по стеклу, за которым висел нужный лист, сама удостоверилась, что это именно ее фамилия, и успокоилась наконец. Конечно, легче было ее просто подсадить, подставив свое колено, но Сашка побоялся не удержать равновесие, протез вместо ноги – это все-таки не живая нога,

да и штанина задерется, со стороны могут увидеть протез, а говорить о нем своим новым друзьям он был пока не готов, вот и решил просто под мышки ее поднять.

Счастливая Малышка не просто пальчиком по стеклу поводила, она даже чмокнула это стекло в том месте, где была ее фамилия.

Сашка поставил ее на землю, и они побежали к друзьям.

А потом до самого вечера гуляли по Москве, дойдя пешком от Первого Гуманитарного корпуса сначала до смотровой площадки на Воробьевых горах, а потом до Лужников. Гуляли и ели мороженое, даже не выпивали, поскольку девчонки дружно сказали, что им еще нельзя, родители строго-настрого запретили до восемнадцатилетия, а парни, смеясь, решили их вынужденное воздержание поддержать.

Это была их последняя встреча этим летом, буквально через пару дней вся троица разлетелась до конца августа к родителям, которые все еще служили за границей, а Сашка срочно устроился на работу в строительную бригаду, которая подрядилась за лето возвести новый коровник в одном из совхозов в дальнем Подмосковье, чтобы успеть подзаработать до начала нового учебного года, ему то содержание от родителей на период учебы не светило.

Глава 3.

В следующий раз они все встретились только 31 августа, когда их курс почти в полном составе уезжал «на картошку».

Аню Большунову Сашка заметил в толпе студентов-первокурсников, идущих вдоль вереницы специально заказанных для их перевозки «на картошку» автобусов, почти сразу, хотя в последний месяц он о ней почти не вспоминал, уж больно много развлечений разного рода позволяла себе по вечерам строительная бригада, в которой он работал, с местными девушками, отчаянно мечтавшими толи замуж за москвича выйти толи просто насладиться постельными утехами с удалыми москвичами, которые, судя по разговорам этих самых девушек, в этом деле были какими-то особо продвинутыми, даже изощренными. В глубине души Сашка полагал, что никакой особой продвинутости в любовных навыках у москвичей, в том числе и у него самого, нет, просто пьют они намного меньше местных ребят, вот и в постели поэтому заметно лучше способны постараться для женского удовольствия, но репутацией продвинутого в этом деле, при этом, пользовался каждодневно, вернее, еженощно с большим и явно видимым удовольствием. Вот и некогда ему было скучать по Большуновой – днем изнурительная работа, по ночам – не менее изнурительный многократный постельный марафон.

Сейчас же он вновь смотрел на приближающуюся Аню почти с замиранием сердца. Одета она опять была не по-московски – облегающие короткие джинсы и белая кофта с объемной вышивкой на груди, перетянутая на талии широким ремнем, левое плечо закрыто рукавом как у футболки, а правое на широкой бретельке как у майки, а на ногах невиданные им доселе летние сапоги – полноценные кожаные сапоги с голенищем, скрывающим щиколотку, но с открытыми мысом и пяткой, на невысоком изящном каблучке. И джинсовая бандана на голове, с такой же, как и на кофте, вышивкой, дополненная надетыми поверх нее солнечными очками. Следом за Аней неотступно следовал довольно тучный мужчина средних лет, несший на спине ее огромный рюкзак и еще две довольно объемные сумки в каждой руке.

Увидев мужика, Сашка сразу подойти не решился, поскольку не был уверен, что Аня готова знакомить его с отцом, но сама Аня этого мужчину совершенно не стеснялась, едва завидев Сашку, сразу приветливо и как-то призывно помахала ему рукой. Сашка тут же и подошел.

«Алекс,» – как всегда нараспев и на иностранный манер произнесла она, «рада тебя видеть! Я соскучилась!».

Внутри Сашки в ответ на ее распевное обращение и искреннее признание в расположении разлилось невиданное доселе тепло, он даже замешкался, не сразу сообразив, что сказать в ответ.

«Это Владимир Дмитриевич, старинный друг моего отца, помогает мне с вещами. Забери же их скорее, я несколько переборщила со сборами, да и припарковались мы не очень удачно, пока до нужного автобуса дошли, ему тяжеловато пришлось.» – добавила меж тем Аня, с искренним сочувствием взглянув на сопровождавшего ее мужчину, и правда, уже малинового и обливающегося потом от натуги.

Сашка моментально перехватил и сумки и рюкзак и мигом закинул их в багажное отделение автобуса, где уже предусмотрительно занял места для себя и троих своих друзей, с воодушевлением подумав про себя, что Аня явно его вспоминала, раз нужным сочла и искала именно тот автобус, возле которого стоял он.

Вернувшись к Ане и ее спутнику, он застал конец их короткого разговора.

«Анна, я Вам еще нужен?» – услышал Сашка фразу, адресованную Ане мужчиной, и здорово удивился: полным именем и на Вы старинные друзья отца, как Аня представила мужчину, ни его самого, никого из его друзей и знакомых никогда не называли, не было так принято, а тут такая неожиданная чопорность, даже манерность.

Но Аня внимания на это совершенно не обратила: «Благодарю Вас, Владимир Дмитриевич, Вы можете быть свободны.» – спокойно ответила она.

«Молодой человек,» – обратился меж тем к Сашке тот самый Владимир Дмитриевич, вытирая пот со лба, «Вы не могли бы мне подсказать, кто здесь за студентов отвечает? Мне необходимо отметить у них, что Анна к месту отправки прибыла и теперь находится в зоне их ответственности, и получить исчерпывающую информацию о месте ее пребывания в ближайшее время и о способах связи с ней.».

«Вон куратор нашего курса.» – кивнул Сашка на молодого преподавателя, которого знал еще по Рабфаку как будущего куратора первокурсников.

Владимир Дмитриевич незамедлительно направился к куратору и беседовал с ним несколько минут, по ходу разговора, что-то довольно подробно записывая в блокнот, который достал из внутреннего кармана рубашки.

Сашка и Аня просто молча наблюдали за ним.

Наконец, Владимир Дмитриевич закончил беседу с куратором и вернулся к ним.

«Анна, я все выяснил, всю информацию передам Вашему отцу, а теперь позвольте откланяться.» – произнес он.

«Спасибо, Владимир Дмитриевич, до свидания!» – коротко ответила она.

Мужчина уже явно собрался уходить, но потом вдруг обернулся к Сашке: «Молодой человек,» – обратился он к нему, «прошу Вас учесть, что Анна еще несовершеннолетняя, ей восемнадцать будет только в ноябре.».

Сашка не знал, как на эту фразу реагировать, даже кивнуть забыл, но мужчине его реакция, похоже, была и не нужна, он молча отвернулся и двинулся куда-то за вереницу автобусов, где, вероятно, стояла его машина.

«Занятный экземпляр!» – произнес рядом с Сашкой знакомый голос, принадлежащий Жоре, такому же, как и сам Сашка, Афганцу, поступившему вместе с ним после Рабфака.

Кого Жора имел в виду – Владимира Дмитриевича или Аню, Сашка не знал, поэтому обернулся, что посмотреть на кого Жора смотрит и поставить того на место, если фраза относилась к Ане, но тут услышал Анин голос: «Владимир Дмитриевич до недавнего времени работал водителем при посольстве СССР в Бельгии, возил моего отца, ну, и нас с мамой иногда. Недавно вернулся на Родину, срок командировки истек, вот папа и попросил его мне помочь с вещами.».

«Папа за меня очень переживает, считает, что опыта нет. Я мало жила в Союзе, сначала вместе с ним и с мамой три года жили в Болгарии, потом на три года вернулись в Союз и опять уехали, только уже в Венгрию, а оттуда сразу в Бельгию – там сотрудник посольства на папиной

должности скоропостижно скончался, вот нас и перевели. А Владимир Дмитриевич хороший, он нам с родителями всегда с багажом помогал.» – добавила она после небольшой паузы.

В этот момент Сашка заметил Малышку, вещей у нее, особенно по сравнению с Большуновой, было совсем немного, но вот несли их сразу два пацана, лет двенадцати на вид. Несли шумно, постоянно споря друг с другом и стремясь вырвать сумку один у другого и понести самому. Пацаны были рослые и черноволосые, совсем не похожие на Малышку, а вот следом за ними шла женщина лет тридцати пяти, как раз такая же маленькая и пшенично-кудрявая, как сама Малышка.

Оля-Малышка радостно подбежала к Сашке и Ане, попыталась чмокнуть Большунову в щеку, но не достала, отчего ничуть не расстроилась, оставив свой импровизированный «чмок» как бы висеть в воздухе. Прокричала: «Привет!», в сторону Сашки и тут же начала командовать маленьким пацанам: «Синюю сумку в багажное, а зеленую оставьте, я ее в салон возьму.».

«В зеленой припасы, тетя Маша» – тут она махнула головой в сторону женщины, «наготовила на роту солдат и на пару месяцев, будто на войну меня провожает, а не «на картошку».» – добавила Малышка, благодарно улыбаясь при этом сопровождающей ее женщине.

«Слопаем все еще в автобусе, если поделишься…» – хохотнул кто-то за их спиной, «Нужно тебя запомнить, чтобы в один автобус с тобой сесть.».

«Конечно, поделюсь,» – рассмеялась Малышка, ни к кому конкретно не обращаясь, «я же крохотная, мне столько не съесть!».

Пацаны тем временем засунули синюю сумку в багажное отделение автобуса и подбежали к ним, вырывая зеленую, которую они пока не получили команды куда положить в салоне, друг у друга.

Сашка забрал у них зеленую сумку, пока совсем не передрались и ручки на ней не оторвали, и пацаны тут же кинулись с двух сторон обнимать Малышку, буквально наскакивая на нее от переполнявшего их почти щенячьего восторга, пришлось женщине срочно попрощаться и их увести, пока они Малышку с ног не сбили.

«Моя тетя, мамина сестра, и ее сыновья, Митя и Витя, кто из них кто, я сама не отличу. Их вообще только тетя Маша различает, даже дядя Геворк, их армянский папа, путает.» – пояснила она друзьям.

«Вот откуда черные волосы и немаленький рост у пацанов, мама которых Малышку напоминает, вернее, Малышка ее.» – подумал в этот момент Сашка, «Папа у них армянин, стало быть.».

«Любят меня все очень, даже как-то слишком.» – смущенно добавила меж тем Малышка.

«Когда есть, кому любить – это очень хорошо!» – ответил в этот момент Сашка, с мимолетной грустью вспомнивший, что после смерти мамы его самого любить совершенно некому.

И Большунова и Малышка грусть эту сразу уловили и обе посмотрели на Сашку с некоторой тревогой, но он ничего пояснять не стал, мысленно ругая себя за проявленную перед девчонками слабость, тем более что раздался крик: «По машинам!», и им уже пришла пора заходить в автобус.

В автобусе Сашка усадил девчонок на заранее занятые места, он надеялся, что Аня сядет с ним, а Малышка дождется Гордеева, которого почему-то до сих пор не было видно, и будет его соседкой по сиденью, но девчонки решили по-другому, усевшись вместе и оставив второе сиденье пацанам.

«Ну так, так так.» – подумал в этот момент Сашка, решивший, что будет еще у него время «на картошке» Большунову очаровать и заставить от себя не отходить.

Он хотел спросить, где Гордеев, но именно в эту минуту тот влетел в их автобус.

«Наконец-то вас нашел,» – произнес Юра, отдуваясь, «почти всю шеренгу обежал, в каждый автобус заглядывая, пока вас увидел.».

«Падай.» – показал Сашка ему на место возле себя, и в этот момент вереница автобусов медленно тронулась.

Глава 4.

Эту «картошку» Сашка запомнил на всю жизнь, студенты-первокурсники пробыли там с 31 августа аж до 6 ноября.

На курсе на двести человек набора было всего около сорока девчонок, юридический факультет тогда еще считался этаким «мужским царством», и первокурсники были очень разными. Примерно половину курса, почти целиком приходившуюся на его мужскую часть, составляли повидавшие очень много в своей жизни Рабфаковцы, в большинстве своем прошедшие войну в Афганистане. Треть курса, где девочек и мальчиков было примерно поровну, наоборот, была явно элитарной – едва окончившие школу представители тогдашней «золотой молодежи»: дети «выездных» дипломатов или первых лиц страны, папы которых возглавляли республиканские суды и прокуратуры или вообще входили в состав Верховного или Конституционного судов, служили в Генеральной Прокуратуре СССР или в союзных силовых министерствах на руководящих должностях. Оставшиеся были немногочисленными представителями юридических династий, отцы или деды которых преподавали на Юрфаке, иностранными студентами или просто очень талантливыми ребятами, поступившими в такой престижный ВУЗ именно за счет своих феноменальных способностей, а не льгот, достижений родителей или чего-либо еще.

Всех парней объединяло только одно – любовь к женскому полу, на которую немногочисленные девочки с удовольствием отвечали взаимностью, поэтому с первого и до самого последнего дня «на картошке» все, кто мог, безудержно «погружались в любовь»! Именно погружались, образуя довольно быстро постоянные пары, ночующие совместно без всякого стеснения, или, наоборот, в попытке найти что-то лучшее или просто испробовать что-то новое, меняя партнеров по несколько раз и прячась из-за этого каждый раз с новым партнером по углам.

В стороне от этого «погружения» из девочек не остался почти никто, благо выбор парней был почти неограничен, а сопровождающие молодые кураторы в процесс почти не вмешивались, следя только за тем, чтобы жестких конфликтов не возникало. К немногочисленным исключениям относились только несколько девчонок, и среди них были Большунова и Малышка.

Сначала Сашка надеялся, что Большунова не будет исключением. На его ухаживания она отвечала явной взаимностью с самого первого дня, и Сашка, не торопясь, готовил ее к переходу на новую стадию их романа. Первым делом ему нужно было аккуратно рассказать ей о своем увечье, напугать неопытную девочку своей инвалидностью уже в процессе ему совершенно не хотелось, а скрыть протез вместо ноги было невозможно, да и вероятность того, что с инвалидом быть она вообще не захочет, тоже существовала, и, как казалось Сашке, довольно немалая.

Долго терзаться сомнениями Сашка не мог, поэтому заговорил с ней об этом буквально на третий день, уведя как-то вечером после работы на лесную опушку. Они сидели, обнявшись, и слушали пение птиц, а Аня еще и крутила в руках букет полевых цветов, сорванных для нее Сашкой по пути сюда.

«Аня, я хотел тебе сказать одну вещь, нужно, чтобы ты знала…» – начал Сашка, и Аня тут же подняла нам него глаза, ее взгляд был чуть встревоженным, поскольку она явно уловила в голосе Сашки нотки напряжения, не совсем соответствующие романтической атмосфере вокруг.

«Я воевал, ты знаешь, достойно воевал, даже медали есть…» – Сашка сделал паузу, собираясь с силами сказать остальное, все-таки вероятность, что, узнав правду, Аня его просто сразу пошлет, была велика.

Аня молча смотрела на него, ожидая продолжения, потом чуть заметно погладила по руке, как бы подбадривая.

«Я инвалид, Аня, у меня нет левой ноги, вместо нее протез.».

Аня по-прежнему молчала, а Сашка не решался поднять на нее глаза, поэтому просто задрал левую штанину, обнажая протез.

И вновь в ответ тишина, только поглаживание по руке продолжалось, но, как показалось Сашке, скорее непроизвольное, неосознанное, поскольку смотрела Аня в этот момент, как он заметил, искоса взглянув на нее, исключительно на его протез. Смотрела, не отрываясь и не шевелясь.

«Сейчас опомнится и убежит.» – с горечью подумал Сашка в этот момент, но Аня никуда бежать не собиралась, она подняла на него глаза, из которых потоком лились беззвучные слезы, и, протянув руки, крепко обняла, прижимаясь к его плечу.

«Господи, бедный ты мой, сколько же пришлось тебе пережить!» – прошептала Аня сквозь всхлипы.

«Да нормально все,» – смутился Сашка, «ты не переживай, я работать могу и буду в полную силу. Не сомневайся во мне. Я все для нас с тобой сделаю, в лепешку расшибусь, чтобы ты ни в чем не нуждалась!».

«Не нужно в лепешку, мне нравится тебя обнимать, а лепешку то не обнимешь!» – попыталась Аня сквозь слезы пошутить в ответ.

Сашка, у которого буквально от души отлегло, взял ее за подбородок и стал целовать, впервые по-взрослому, настойчиво лаская ее губы и пробиваясь внутрь языком.

Аня так целоваться совершенно не умела, просто чуть приоткрыла губки, явно доверившись ему, и именно это заставило Сашку испытать невиданно доселе удовольствие от поцелуя, наслаждаясь ее неопытностью и, одновременно, уча.

В какой-то момент Сашка сам не заметил, как, не отрываясь от Аниных губ, лег сам и ее заставил лечь, положив голову ему на плечо.

Одной рукой он обнимал Аню, а второй начал ее гладить, позволяя себе довольно беспардонно останавливаться на самых сладких ее выпуклостях и там лапать от души, но тут Аня чуть отстранилась: «Саша, пожалуйста, не надо, остановись, пожалуйста. Я не могу.».

Сашка, хоть уже и завелся не на шутку, аж плоть вздыбилась в штанах, контролировать себя умел отлично и тут же притормозил, пока, не отпуская ее одной рукой из своих объятий, но вторую руку с ее тела тут же убрал.

«Что случилось, моя хорошая? Чего ты испугалась?».

«Я не испугалась,» – тихонько прошептала Аня, «просто я так воспитана, понимаешь, что я так не могу. Мне еще восемнадцати нет, да и первым мужчиной в жизни женщины должен быть муж…».

Сашка сел сам и Аню поднял за собой, ему ужасно не хотелось этого говорить, но она была права, восемнадцати ей еще, действительно, не было, его же именно об этом специально Владимир Дмитриевич, который ее провожал, предупреждал, поэтому он хрипло произнес: «Извини, ты права, подождем твоих восемнадцати.», и окончательно отстранился.

«Не обижайся.» – тихо попросила Аня.

Уже выдохнувший и немного расслабившийся Сашка, улыбнулся ей в ответ: «Я и не думал обижаться. Ты совершенно права, молодец, что вовремя меня остановила. Главное, что я тебя обидеть не успел!».

«Ты добрый, ты не обидишь, я знаю.» – прошептала Аня.

Сашка еще раз ободряюще ей улыбнулся: «Насчет восемнадцати ты права, а вот насчет того, что первым мужчиной должен быть муж, я не уверен, но подождем, пока тебе восемнадцать исполнится, тогда и поговорим!».

«Договорились!» – с нежным, чуть слышным, будто журчащим, смехом произнесла Аня, а Сашка встал и подал ей руку.

Уже стоя, притянул ее к себе: «Возьму и женюсь на тебе прямо в день твоего восемнадцатилетия, тогда нам и говорить ни о чем не придется! Пойдешь за меня?».

«Пойду!» – ответила Аня, смеясь уже намного увереннее и задорнее.

Глава 5.

Больше к этому вопросу Сашка с Большуновой на «картошке» не возвращался, хотя целоваться и ходить за ручку они и не переставали, даже делали это немного демонстративно, как бы утверждая свое право друг на друга в глазах всех остальных.

Для Сашки это было нелегко, такое поведение и связанное с ним воздержание требовали от него немалой воли в чисто физиологическом плане, но зато на душе у него было всегда тепло и спокойно, он твердо знал, что бережет эту девочку для себя, бережет трепетно и беззаветно именно для того, чтобы однажды испытать совершенно неизведанное до этого столь долгожданное наслаждение быть первым мужчиной в жизни самой прекрасной на свете женщины.

Малышка же «на картошке» просто вокруг никого не замечала, ее безответная влюбленность в Сашку с самого первого дня была очевидна практически всем окружающим. Малышка влюбилась в Сашку не с первого взгляда, но буквально в один миг, в тот момент, когда он, взяв ее за руку, раздвигая плечами толпу рвущихся к спискам поступивших абитуриентов, повел к этим самым спискам ее. Подвел, а потом, заметив, что с ее ростом ей своей фамилии в списках просто не разглядеть, поднял ее под мышки, поднося к заветному листу. Вот в этот миг она в него и влюбилась, однажды и навсегда, и целовала она тогда через стекло вовсе не свою фамилию в списках, мысленно она целовала Сашку, ставшего для нее с этой минуты тем самым рыцарем на белом коне в сияющих доспехах, о котором мечтают все девушки примерно лет с четырех и до самой смерти. Но в эту же минуту Малышка осознала и несбыточность этой мечты, остро позавидовав Ане Большуновой, которую Бог наградил такой внешностью, что стоило ей где-либо появиться, ее моментально замечали и выделяли в любом месте и в любом коллективе, даже в толпе из тысяч абитуриентов, стремящихся поступить на Юрфак, как это сделал Сашка.

Малышка искренне считала, что против Ани у нее совершенно никаких шансов нет, поэтому свою влюбленность в Сашку она отчаянно ото всех скрывала, старательно делая вид, что до Сашки и Большуновой возле него ей и дела никакого нет. С Сашкой общалась только в присутствии Юры Гордеева, постоянно ходившего за Малышкой буквально по пятам, или Большуновой, наедине никогда не позволяла себе с ним остаться, стремительно ретируясь при любой случайной встрече без присутствия Юры или Ани. На словах постоянно его подкалывала, беззлобно, по-настоящему смешно, но весьма демонстративно подчеркивая свою полную в нем незаинтересованность. И тихонько вздыхала ему вслед каждый раз, когда, как ей казалось, ее никто не видел.

Видели, замечали и все понимали, понимали все, кроме самого Сашки. Гордеев про себя злился, считая, что, бегая за влюбленной, пусть и безответно, в другого девушкой, унижается, но поделать с собой ничего не мог и бегать продолжал. Большунова даже немного сочувствовала, но Сашку своего уступать не собиралась. Остальные просто наблюдали со стороны во что это выльется, занятный получался и не треугольник и не квадрат, а какая-то вовсе неизвестная науке фигура: наверху Сашка, влюбленный в Большунову, явно отвечающую ему взаимностью, чуть сбоку непрерывно вздыхающая по Сашке Малышка, а внизу буквально сдувающий с Малышки пылинки Юра Гордеев.

Положение Юры Гордеева, и правда, было самым незавидным из всех четверых, оказаться на его месте – в самом низу этой странной фигуры, из парней никто не хотел, поэтому знаков внимания Малышке никто, кроме Юры, и не оказывал. А вот девочки на красавчика Юру, перспективного москвича из хорошей семьи, внимание очень даже обращали, но Юра никого, кроме Малышки, рядом с собой видеть не желал и даже представить не мог, несмотря на все их старания.

Там же «на картошке» Юра довольно быстро получил свое прозвище, которое потом закрепилось за ним на всю оставшуюся жизнь и в кругах сокурсников, даже когда они уже стали сокурсниками бывшими, и среди всех остальных людей, кто был знаком с ним через этих самых сокурсников, и прозвище это было: «Гордей». И объяснялось это вовсе и не только его фамилией, хотя она, конечно же, тоже сыграла свою роль.

В основе прозвища были две черты характера Юры, которые довольно быстро стали заметны почти всем – он был патологически обидчив и отчаянно кичился своим дворянским происхождением, о котором тогда как раз стало модно говорить. Юрины частые обиды практически по любому самому незначительному поводу для Большуновой и Малышки еще со школы новостью не были, девочки даже ему в этом смысле сочувствовали, туманно поясняя Сашке, что причина в очень непростых отношениях Юры с собственным отцом. В подробности они не вдавались, да Сашка особо и не спрашивал, просто реагировал на Юркины обиды спокойно, спрашивая каждый раз, какого лешего он опять задрался не по делу, и, тем самым, моментально снимая остроту ситуации и сохраняя дружбу, поскольку Юра, похоже, и сам очень быстро понимал, что обижается чаще всего безосновательно. Разговоры же о Юрином дворянском происхождении и могилах предков на кладбище Пер Лашез в Париже, которые Юра начал впервые вести только после поступления в МГУ, и Сашка и девчонки вообще списывали на дань новой моде, не особо в них вникая, но и не считая их поводом для отказа от дружбы с ним.

В общем, Юра, практически с первых дней ставший для всех, включая своих ближайших друзей, Гордеем, был полноправным членом их кампании, которая всегда держалась вместе, входя сначала в одну бригаду «на картошке», а потом учась на факультете в одной группе.

Глава 6.

Уже к концу первой недели «на картошке» все первокурсники более-менее притерлись друг к другу, разбились на кампании друзей и парочки влюбленных и стали налаживать свой быт. А вот это было совсем непросто, жили в довольно добротных, но не отапливаемых деревянных бараках в комнатах на десять коек, условно делившихся на мужские и женские. Условным это разделение было именно из-за парочек, самые смелые из которых скрывать свои отношения, в том числе интимные, от окружающих не считали нужным, поэтому ночевали вместе, не особо обращая внимание на то, в какой спальне, условно мужской или условно женской, установлена кровать, которую они между собой делили, объясняя недовольным такое свое поведение просто: «Холодно же по ночам, вот и греемся, прижимаясь друг к другу. Завидно – ищи, кто тебя согреет, а не на нас ворчи!». Постепенно с условностью этого разделения почти все смирились, понимая ее неизбежность, уж очень молоды и жадны до новых впечатлений были эти так недавно ворвавшиеся во взрослую жизнь ребята. Как смирились и с местами общего пользования на улице и с тем, что после каждого дождя очень долго ничего не сохнет.

Основная проблема быта была в другом – еда, которой их кормили, не устраивала почти никого. По качеству она для коллективных мест пребывания тех времен была вполне обычной, очень простой и однообразной по составу, но вполне съедобной. А вот в остальном – неизбалованным, по большей части, Рабфаковцам ее было просто мало, после целого дня работы и активных ночных постельных утех они почти всегда были голодными, стандартные порции «перегорали» в молодых мужских организмах гораздо раньше, чем наступало время следующего приема пищи, а «элитарная» часть курса, привыкшая к совсем другой пище, страдала не от недостаточности количества, а от отсутствия должного вкуса у этой еды. И способ решения этой проблемы был только один – регулярные передачи от родственников, передачи именно съестных припасов, а не денег, поскольку на деньги в окрестных сельских передвижных магазинах-автолавках в условиях уже начавшегося всеобщего дефицита ничего приобрести было совершенно невозможно.

Сашка и его друзья убедились в этом моментально, из них четверых домашняя еда в зеленой сумке была привезена только Малышкой, остальные, включая Аню, взяли с собой деньги,

в бесполезности которых в этом месте и в это время они удостоверились буквально в первые дни, не обнаружив в приехавшей автолавке даже хлеба в достаточном на всех количестве, не то что чего-нибудь съедобного для Ани. Съедобное для Ани вообще было проблемой – прожив значительную часть своей жизни за границей, ни разу не побывав в пионерском лагере или советской детской больнице, например, Большунова есть то, что подавали в их рабочей столовой, не могла в принципе, ее натурально тошнить начинало от одного вида этой неаппетитной стряпни.

«Ты же рассказывала, что между Болгарией и Венгрией три года в Москве прожила, в школьной столовой тогда не ела разве?» – недоуменно спросил Большунову Сашка в первый же вечер, увидев, что к еде в их общей столовой она вообще не притронулась.

«Не ела,» – со слезами на глазах ответила Аня, «в школе же мы не целый день, вот и терпела до дома.».

«Побежали в зеленую сумку заглянем,» – тут же предложила всем Малышка, «там тетя Маша наверняка что-то приемлемое для всех положила, готовит то она так, что просто «пальчики оближешь».».

«Давайте без меня,» – ответил Сашка, «мне здешняя еда вполне привычная, даже лучше, чем в Афгане, например, была. Маловато, конечно, но я Анину порцию доем, вот и буду сыт, тогда вам припасов в зеленой сумке на более долгое время хватит, пополнения то их скоро не предвидится.».

Малышка хохотнула: «Как хочешь, конечно, но думаю, что тетя Маша, подгоняемая моими бабушками и дедушками с обеих сторон, с пополнением уже в ближайшие выходные примчится! Очень много не привезет, наверное, у нее машины нет, а на электричке сюда с грузом тяжело добираться, но голодать мне мои не позволят точно.».

«А давай я Владимира Дмитриевича попрошу ее подвезти,» – предложила Аня, «он собирался в субботу ко мне приехать, проведать и убедиться, что все в порядке, вот и возьмет ее с собой, так им в дороге вместе даже веселее будет.».

«Было бы здорово, только ты его о племяшах моих предупреди, уж больно они шумные, спорят все время между собой, соперничают, а тетя Маша без них поехать ко мне не сможет, они же обидятся. В общем, непросто Владимиру Дмитриевичу в дороге со всеми ними придется.».

«Предупрежу,» – рассмеялась Аня Малышке в ответ, а потом повернулась к Сашке: «Сходишь со мной вечером в поселок на почту, чтобы я оттуда ему позвонила?».

Сашка только утвердительно кивнул ей в ответ.

«Ну, мы побежали набег на зеленую сумку устраивать, Юра, ты с нам?» – спросила Малышка Гордеева.

«Нет, я с Сашкой. За тобой доем, мне хватит.» – ответил тот.

Так с того момента и повелось, Сашка и Гордей съедали порции девчонок в обычной столовой, а те питались исключительно припасами, привозимыми им каждые выходные Малышкиной тетей Машей в машине, управляемой Аниным Владимиром Дмитриевичем, тем более что еще до первой поездки Владимир Дмитриевич договорился с тетей Машей, что деньги для Ани, которые он должен передавать той от ее отца, он будет отдавать как раз Маше, а она закупать на них продукты и готовить сразу на обеих девчонок.

Исключений было всего два – в последние выходные сентября и в последние выходные октября, когда из машины Владимира Дмитриевича выгружали такое количество съестного, что девчонки не только Сашку с Гордеем угощали, но еще и многих других ребят. В первый раз это объяснялось празднованием Малышкиного совершеннолетия, она как раз 27 сентября родилась, а во второй раз приездом армянского папы Малышкиных племяшей их навестить и привозом им с собой невероятного количества армянской еды, прежде всего, фруктов, кото-

рыми тетя Маша щедро поделилась со всей Малышкиной семьей, в том числе и с племянницей, конечно же.

Глава 7.

Необыкновенное внимание к Малышке ее семьи, да и активное участие Владимира Дмитриевича в судьбе Ани произвело на Сашку весьма сильное впечатление.

К нему, понятно, приезжать было некому, мама давно умерла, Пашке с Володей навещать взрослого мужика не в больнице в голову бы не пришло, а Володины дедушка с бабушкой итак очень помогли ему, совершенно чужому им, по сути, парню, освоиться в жизни после Афгана, сейчас он уже вполне мог и должен справляться сам.

К другим бывшим Рабфаковцам, таким же взрослым мужикам, как и он, тоже понятно, что никто не приезжал, как и к иногородним ребятам, которым после «картошки» предстояло жить в общежитии, а вот почти ко всем остальным первокурсникам время от времени кто-то наведывался, может не так регулярно, как в Малышке с Аней, но все же тоже достаточно часто.

Но вот почему никто ни разу не приехал к Гордею, Сашка понять не мог и однажды спросил об этом Аню с Малышкой, когда Юрки не было рядом.

«У него сложные отношения с отцом, мы тебе уже говорили.» – ответили ему девчонки.

«Вот смотри,» – продолжила Аня, «и я и Малышка – единственные дети в семье, единственные и горячо любимые. Наши родители остались за границей, у них еще очередной срок командировки не вышел, но, отправляя нас сюда, они могли ни о чем не переживать, остальная семья точно позаботится.

У меня, кроме мамы с папой, только бабушки с обеих сторон, папин отец, мой дед по отцовской линии стало быть, погиб на войне в 1943-м, так ни разу сына, родившегося у него в 1942-м, когда он уже на фронте был, и не увидев, а дед по материнской линии с войны вернулся живым, но умер очень рано, в 1974-м, ранения, на фронте полученные, свою роль сыграли, а братьев/сестер у родителей моих нет. Бабушки уже пожилые, болеют часто, им самим сюда даже на машине с Владимиром Дмитриевичем тяжело добраться, да и продукты покупать, чтобы мне что-то приготовить, в нынешние времена всеобщего дефицита и немыслимых очередей сил нет. Поэтому и приезжает Владимир Дмитриевич, и не с продуктами, а с деньгами.

Но это совершенно не значит, что и бабушки и мама с папой обо мне не заботятся. Поверь мне, Владимир Дмитриевич каждой из бабушек подробнейший отчет дает, едва из поездки ко мне вернувшись, что у меня да как, здорова ли, весела или грущу, нет ли признаков, что обидел кто, нет ли в чем острой нужды. Бабушки его выслушают, потом между собой поговорят, вдруг, он одной что-то сказал, чего другой неведомо, потом каждая дождется, пока родители ей из-за границы позвонят, отчитается, повздыхает, если что-то ей кажется, что не так. Родители ее успокоят, поскольку и сами уже не менее подробный отчет от Владимира Дмитриевича получили и ситуацию оценили.

А вот если не успокоят, ну, или бабушку то успокоят, да сами останутся взволнованы, сюда мигом мама прилетит, не посмотрит, что долго и дорого, примчится с десантом папиных друзей дочку единственную спасать.

Не справится мама, следом папа пожалует, карьеры своей, ни на минуту не задумываясь, не пожалеет испортить внезапным отъездом от места службы, лишь бы Анечку, дочку любимую, защитить да приголубить!».

Сашка, слушая Анин рассказ, грустно и немного завистливо улыбался, сам он своих бабушек и дедушек никогда даже не видел. Про родителей папы вообще ничего не знал, тот, когда в Москву на заработки уехал, как-то и не вспоминал о них никогда, ни на их с мамой свадьбе, ни на его, Сашкином, рождении, ни даже на похоронах папы никто из них не был. Сашка понятия не имел, откуда отец в Москву приехал, что уж тут говорить об отцовской семье. У мамы родственники в деревне были, и немало, судя по ее рассказам, только мужчины все спились и рано умерли, а женщины никогда и никуда из той самой деревни, откуда мама родом, не выезжали.

Мама рассказывала, что на свадьбу они с отцом один раз в ее деревню ездили, отгуляли там, как положено, да и уехали назад в Москву уже навсегда. На похоронах мамы тоже никого из них не было, ее соседи, во главе с Володиной бабушкой, и фабричные подружки хоронили, родственников тогда просто не нашли, а может и не искали. Так и остался Сашка совсем один.

«А у меня еще круче,» – присоединилась к Аниному рассказу меж тем Малышка, «и бабушки и дедушки с обеих сторон живы-здоровы, слава Богу. С маминой стороны они тетю Машу, в основном, поддерживают, которая с ними живет, помогают близнецов воспитывать. Мама то моя за мужем, как «за каменной стеной», ей поддержка родителей особо не нужна, а вот тетя Маша у нас считается непутевой, родила близнецов от женатого дяди Геворка, который живет в Армении. Тот разводиться и на ней жениться не стал, хотя мальчишек признал и вниманием своим никогда не обделял. Присылает постоянно и деньги на их содержание и продукты различные дефицитные просто вагонами, да и сам навестить их приезжает периодически.

А папины родители вообще полностью на мне сосредоточены, поскольку папа мой у них единственный сын, а я, стало быть, единственная внучка – «свет в окошке» и надежда на будущее! Только они работают до сих пор, оба научные работники со степенями и званиями, а таких на пенсию долго не отпускают, да и не хотят они пока на пенсию, я думаю.

А вот тетя Маша не работает, она карьеры совсем никакой не сделала, забеременела еще в институте, теперь близнецов растит. У нас с ней и с близнецами особая любовь, по возрастут то мы ближе всех друг к другу. Тетя Маша на десять лет младше моей мамы, поэтому завсегда была у меня за старшую подружку, больше, чем за тетю, с ней и посоветоваться как-то сподручнее по девичьим делам и о любви вместе помечтать. А близнецы меня обожают, я с детства всегда с ними все свободное время проводила, пока мы еще в Союзе жили, мама с папой и бабушки с дедушками на работе, тетя Маша как бы за мной присматривает, а я за близнецами. Вот такой круговорот!

И у всех со всеми любовь, хоть тетя Маша и непутевая!» – улыбнулась Малышка, завершая свой рассказ.

«А у Юрки отец просто очень требовательный,» – вновь присоединилась к разговору Аня, «требовательный и какой-то завистливый. Все ему мало, и для себя, и от Юрки, и от матери его.

Своей карьерой постоянно недоволен, хотя она у него вполне неплохо складывается, как считается в наших кругах, но ему всегда недостаточно. Когда моего отца внезапно в Бельгию из Венгрии перевели, он, говорят, от зависти аж поседел, хотя никакого отношения к нему и его карьере это не имело. Наши отцы по разным ведомствам служат, поэтому освободившая должность в Бельгии ему никак не светила, но он все-равно недоволен. И женой своей, Юркиной мамой, он тоже все время недоволен, по слухам, не разводится только, чтобы карьеру себе не испортить, зато понукает постоянно: стоишь не так, говоришь не то, идешь не туда, и вообще мужа не слушаешь, а она только отмалчивается и еще больше угодить пытается, прямо стелется перед ним. Со стороны смотреть немного противно даже.

И по Юрке тоже самое – школьных отметок, кроме пятерок, быть не может, языков иностранных нужно освоить не два и даже не три, а лучше, как Ленин, штук пять минимум, в спорте быть первым и в музыкальной школе лучшим. А если в чем-то ты не дотягиваешь до отцовских высоких стандартов, то, вроде как, и не нужен ему, так, бесполезный нахлебник, и больше ничего.

И еще отец Юрке никак простить не мог, что тот в школу на год позже пошел, чем положено, у него день рождения в конце мая, должен был первоклашкой стать в сентябре 1979 года, ему же уже семь полных лет было, а не в сентябре 1980 года, как мы с Малышкой, родившиеся тоже в 1972, но уже после 1 сентября, но он летом перед самой школой с велосипеда упал, вернее, не упал, а в забор бетонный на нем влетел, под горку ехал, разогнался, а затормозить

не успел. Переломался весь, в гипсе был аж до Нового года, вот и пришлось ему в школу на год позже идти. Отец его все десять школьных лет буквально с ума сходил по этому поводу, постоянно говорил, что Юрка из-за этого вечно отстающий, другие в его возрасте на год впереди по школьной программе. Хотел, наверное, чтобы Юрка как-то наверстал этот год по ходу учебы, сдав экстерном сразу два класса, но Юрка не смог, слишком много других требований у отца было – и языки, и спорт, и музыкалка, да еще и переезды регулярные, три года за границей по месту службы отца, три года в Союзе, потом опять на три года за границу, только уже в другую страну, и опять в Союз. А это совсем непросто, каждый раз адаптация и к новому месту жительства и к новой школе, чтобы привыкнуть и учиться полноценно на новом месте начать тоже время требуется, сам понимаешь.

Юрка и поступать с нами стал, мне кажется, назло отцу, тот требовал, чтобы он шел обязательно в МГИМО, а Юрка, воспользовавшись, что ему восемнадцать уже исполнилось, взял, да, вопреки заветам отца, сюда документы подал. Теперь он, похоже, у отца совсем в неудачных детях числится, хоть и единственный сын.

Вот такие дела.».

Сашка только головой в ответ на рассказ девчонок покачал, вот тебе и отпрыск элитарной семьи выездных дипломатов, лучше уж как он, Сашка, расти в самой простой семье, но с любящими родителями. Понятно теперь, почему Юрка ведет себя, как Гордей, вот его Гордеем и прозвали.

Глава 8.

Подтверждение словам девчонок о непростых взаимоотношения Гордея с семьей Сашка получил буквально в день приезда с «картошки».

Автобусы сначала остановились вдоль Ломоносовского проспекта, высаживая тех, кто заселяться в общежитие не планировал, а оставшихся студентов они потом должны были довезти до общежития.

Сашка с Большуновой и Малышкой вышли еще на Ломоносовском, намереваясь ехать по домам, а Гордей почему-то медлил.

«Ты чего не идешь?» – спросил его Сашка.

«Домой я не собираюсь,» – ответил тот с явной неохотой, «хочу до общаги доехать, может удастся там койку снять.».

Сашка в ответ только плечами пожал, ну, решил Гордей домой не ехать, его дело, уже не ребенок, но адрес свой на листке из блокнота все-таки быстренько написал.

«Не сможешь договориться, приезжай сегодня ко мне, переночуешь, а завтра решим, что делать.» – сказал он, протягивая листок Гордею, тот молча кивнул в ответ.

В этот день Гордей не приехал, да и во все последующие тоже, о койке в общежитии он с комендантом все-таки как-то договорился, вот только на это, как и на жизнь в целом, ему были деньги нужны.

Буквально на следующий день в универе он этот вопрос Сашке и задал: «Ты ведь один живешь, как зарабатывать во время учебы планируешь?».

Сашка удивился: «А тебе зачем? У тебя же родители не меньше Анькиных с Малышкой получают, должны на жизнь достаточно давать!».

«Ничего они мне не должны.» – обиженно ответил Гордей, но тут же сам и изменил свое настроение, перейдя с обиженного на уверенный тон, «Зато, и я им ничего больше не должен. Сам теперь стану жить.».

«Ну, сам, так сам.» – ответил Сашка, «Давай после занятий девчонок проводим, потом подумаем, где нам подзаработать, деньги, как ты правильно заметил, и мне нужны.».

Около четырех часов дня, проводив вместе сначала Большунову, а потом Малышку, поскольку так по маршруту было сподручнее, они с Гордеем поехали к Сашке домой, надеясь там все спокойно обсудить и что-нибудь придумать. Но даже придумывать им ничего не

пришлось, возле Сашкиного дома они встретили Пашку, который как раз со смены с фабрики возвращался. Сашка познакомил Пашку с Гордеем, поболтали втроем под пиво, Пашка им и сказал, что на фабрике необходимы на посменную работу ночные сторожа.

На работу на фабрику Сашка и Гордей устроились буквально на следующий день, уж больно предложенная вакансия им подходила, даже выбор был – сутки через трое, тогда заработаешь больше, но занятия в универе придется чаще пропускать, или только по ночам посменно, одну ночь работаешь, одну спишь, но и денег поменьше.

Сашка решил пока на втором варианте остановиться, все-таки жилье у него было, да и Большунову почаще видеть, регулярно посещая университет, очень хотелось, а вот Гордей выбрал первый – ему деньги нужны были не только на повседневную жизнь, но и на оплату аренды койки в общежитии, хотя Сашка и предлагал Гордею поселиться временно у него и совершенно бесплатно. Гордей отказался, сославшись на то, что прихлебателем быть не хочет, решил жить сам, значит будет жить сам.

Видеть Большунову Сашке было просто необходимо, и не только по причине их трепетной любви друг к другу, сам внешний вид Большуновой доставлял ему истинное эстетическое удовольствие, даже наслаждение, а мысль, что выбрала Аня в возлюбленные именно его, необыкновенно повышала самооценку, хотя заниженностью таковой Сашка никогда не страдал в принципе.

Среди девчонок – первокурсниц Юрфака общепризнанных красоток было три: Таня Семина, Наташа Усольцева и его Аня Большунова, почти все остальные, за исключением буквально пары совсем уж «крокодилиц», хотя и на «крокодилиц» в многочисленном мужском коллективе спрос тоже был, считались милыми, симпатичными, очаровательными, но не красотками. Но и среди красоток Большунова, безусловно, была номером один – Таня и Наташа – блондинки ростом чуть выше 170 сантиметров с типичной внешностью исконных русских красавиц – светлые кожа и глаза, большая грудь, широкие округлые будра, а Аня – высоченная жгучая брюнетка, грудь объемная, но в меру, большой ее назвать было никак нельзя, и будра округлые, но не широкие, пропорции фигуры даже немного сдвинуты в мужскую сторону, поскольку плечи кажутся совсем чуть-чуть, но шире бедер, да и вся фигура выглядит этакой «поджарой», без капли лишнего объема где бы то ни было. И завершающий необыкновенное впечатление контраст светлых глаз и пухлых губ с высокими скулами и смуглой кожей.

А еще Анины необычные наряды – Большунова обожала мужские костюмы со шляпами и разные сапоги: летние на каблуках, массивные байкерские, ковбойские казаки, ботфорты и множество других. Носила их постоянно, благо привезено их было из Бельгии великое множество, что позволяло составлять из них как повседневные образы, так и носить «на выход». И всем и всегда было сразу понятно, что наряды это заграничные, костюмы, хоть и казавшиеся мужскими, но всегда приталенные и с выточками на груди, то есть очевидно скроенные именно для женской фигуры, шляпы также внешне мужские, но необыкновенно подчеркивающие красоту именно женского лица под ними, сапоги, но на каблуках, и так во всем. В Советском Союзе подобных нарядов тогда просто не было.

Анины «соперницы» Таня и Наташа одевались намного скромнее, Таня вообще совсем просто, она с первых дней в университете жила с каким-то парнем, служащим в милиции, который порадовать ее нарядами, пусть и не заграничными, а хотя бы советскими, из своих скромных заработков не мог, а Наташа жила с родителями, те старались ее принарядить по мере сил и возможностей, но вот этих самых возможностей у них было несравнимо меньше, чем у «выездных» родителей Ани.

В общем, стоило Сашке увидеть Большунову, его сердце сразу начинало петь какую-то бравурную мелодию полного удовлетворения, не омрачаемого даже невозможностью пока физического обладания ею, но от того не менее сладкую, поскольку такое обладание, как завершающий музыкальный аккорд, так сказать, было еще впереди!

В таком ритме и прошел весь их первый курс, в университете они всегда были вчетвером, Сашка с Аней любили друг друга, Малышка Сашку, а Гордей Малышку, но дружбе их это не мешало. Да и с учебой все складывалось вполне неплохо, девчонки вообще отличницы, парни чуть похуже, в основном, по причине пропусков из-за работы, но тоже вполне сносно.

После университета парни работали, а девчонки ждали, пока кто-нибудь из парней освободится и предложит погулять. Гуляли и по парам – Сашка с Большуновой, Малышка, просто чтобы дома не сидеть, с Гордеем, и втроем, если свободен был именно Гордей, и Аня на предложение Малышки погулять с ними, пока Сашка занят, соглашалась, и все вчетвером.

Только Сашкины надежды убедить Аню не ждать в смысле интимной близости момента, когда они поженятся, в чем ни Сашка ни Аня уже совершенно не сомневались, просто время еще не наступило, нужно было сначала «на ноги встать», а согласиться на первый контакт просто после достижения ею восемнадцатилетия не сбылись.

Анин восемнадцатый День рождения праздновали широко, жила она после приезда с «картошки» у одной из бабушек, поскольку той было поручено за Аней приглядывать, но отмечать всех позвала в пустую родительскую квартиру в кирпичном доме на Фрунзенской набережной, организовав там довольно большую тусовку, как сейчас говорят, из своих ближайших друзей и еще почти десятка сокурсников, многие из которых пришли со своими парнями или девушками. Веселились до утра.

Когда все разошлись, даже Малышка, от помощи которой в уборке Аня отказалась, Сашка вновь начал Аню целовать, как делал это украдкой, да и вполне открыто почти все время празднования, шепча ей на ушко: «Ну, вот он и наступил, этот день!», но она аккуратно отстранилась: «Пожалуйста, Сашенька, не надо, ты же знаешь мою позицию, я не могу от нее отступить.».

Сашка не на шутку расстроился, но тут же ее отпустил, за время их знакомства, он прекрасно изучил Анину манеру общения, если бы сказала свое обычное напевное: «Алекс», значит лукавит, дразнит, и шанс уговорить есть, но прозвучало: «Сашенька», а это уже мольба, свидетельствующая о твердости ее решения, хоть и сопровождаемой пониманием, что Сашка будет здорово разочарован. Продолжать настаивать в такой ситуации, это уже принуждать, практически насиловать, чего Сашка совершенно точно делать не собирался.

«Хорошо, давай еще подождем, раз ты просишь.» – только и ответил он и молча стал собирать грязную посуду со стола.

«Прости меня, но я правда не могу по-другому.» – тихо произнесла Аня у него за спиной.

«Тебе не за что просить у меня прощения.» – твердо ответил Сашка, «Просто теперь я усиленно буду думать над тем, как мне скорее «встать на ноги», чтобы быть готовым содержать семью и иметь право сделать тебе предложение. Вот и все.».

«Спасибо!» – только и ответила Аня.

Глава 9.

Первый курс пролетел буквально «на одном дыхании», в июне сдали экзамены, защитили первые курсовики и разъехались до конца лета, Аня улетела к родителям в Бельгию, Малышка с тетей Машей и близнецами к дяде Геворку в Армению, а Сашка с Гордеем завербовались в стройотряд, намереваясь создать себе некоторую финансовую «подушку» на будущий год.

Для Сашки вопрос финансовой «подушки» был особенно актуален, женитьба на Ане была у него в планах пунктом номер один, уж очень он устал ждать момента, когда сможет наконец получить «доступ к ее телу», Гордей же думал скорее о том, что с каждым годом учеба будет становиться все сложнее, и тратить на подработку также много времени и сил, как на первом курсе, будет уже невозможно.

Вернувшись домой в конце августа, Сашка обнаружил в почтовом ящике письмо от Ани и буквально «на крыльях» взлетел на свой этаж, намереваясь поскорее закрыть за собой дверь квартиры и погрузиться в чтение ее новостей и слов любви. За два месяца лета он невероятно

по ней соскучился, связи то в стройотряде практически не было, вот они все это время и не общались.

Открыл прямо в прихожей письмо, отправленное ему, судя по конверту, еще в конце июля, а там…

> «Саша, прости меня, в середине августа я выхожу замуж. Не за тебя. Так надо, надеюсь, ты сможешь меня понять и простить.
>
> Этот год нашей жизни, который я провела с тобой, был лучшим, во всяком случае, для меня, хотя и для тебя, надеюсь, тоже.
>
> Я всегда буду о тебе помнить, но нам не суждено быть вместе.
>
> Еще раз прости меня и забудь.
>
> Забудь и будь счастлив, только уже не со мной.
>
> Аня».

Читая эти строки, даже без приветствия в начале и без столь милого его сердцу: «Сашенька», и даже без ее игриво-напевного: «Алекс», обычно отдававшегося ответной музыкой у него в груди, он поначалу вообще не понял их содержания. Какое: «выхожу замуж в середине августа», уже конец этого месяца, а он даже предложения ей еще не делал?!?

А, да вот же ответ: «Не за тебя…».

Осознав, наконец, это: «Не за тебя…», Сашка чуть сознание не потерял и бросился звонить Ане в квартиру бабушки, у которой она жила на первом курсе. Пожилая женщина ответила, ее голос звучал как-то странно, но Сашка тогда внимания на это не обратил, слишком переполнен был собственными эмоциями.

«Ани нет, она еще не вернулась.» – сообщил ему женский голос в трубке, а потом добавил: «Вы ведь Александр, я правильно понимаю?».

«Да.» – коротко ответил ей Сашка.

«Александр, я Вас очень прошу сюда больше не звонить и встреч с Аней не искать. Так будет лучше для нее, а может и для вас обоих, но для нее точно лучше.» – произнесла женщина и отключилась.

Сашка так и стоял еще некоторое время с телефонной трубкой в руках, слушая короткие гудки, а потом выбежал из квартиры, даже дверь не заперев, и помчался к Гордею в общежитие. Он вообще не понимал, что происходит, и отчаянно хотел получить хоть от кого-нибудь хоть какие-то пояснения, пусть и от не имеющего никакого отношения к этому делу Гордея.

Гордей, едва его выслушав, вздохнул: «Сашка, ты что вправду рассчитывал, что родители позволят Ане выйти за тебя замуж?» – спросил он.

Сашка ошарашенно смотрел на Гордея, это: «вправду…», свидетельствовало о том, что друг то как раз всегда понимал, что им с Аней вместе не быть, и не говорил об этом Сашке раньше только потому, что всем, кроме самого Сашки, это казалось настолько очевидным, что даже в обсуждении не нуждалось.

«Ну, ты сам подумай,» – добавил правильно оценивший Сашкино замешательство Гордей, «где Аня, а где ты. Она – дочь высокопоставленного дипломата, служащего ни много ни мало в Бельгии, одной из самых престижных для выезда капиталистических стран, а ты из семьи лимитчиков без роду без племени, да еще и инвалид…».

«На коленях еще ко мне приползет, когда узнает, кем я стал!» – выдохнул ему в лицо, глядя черными от боли и обиды глазами, Сашка, и, резко развернувшись, быстро ушел, не в силах продолжать этот разговор.

Под призмой только что услышанного, весь прошедший год его взаимоотношений с Аней выглядел теперь для него по-иному. «Интересно, а она с самого начала знала, что никогда не станет моей женой, что родители давно уже подобрали ей подходящего «высокородного» жениха, поэтому просто играла со мной в любовь, развлекалась, как кошка с мышкой, смеялась мысленно, что я, дурачок, на что-то рассчитываю? Или все-таки нет? Или и для нее позиция родителей была новостью?» – постоянно «крутил» Сашка в голове одни и те же мысли, пока не пришел к однозначному, как ему казалось, выводу: Аня знала все с самого начала, ну или, если и не знала, то предполагала, как и все остальные, кроме него, дурака. Ей недостойность Сашки быть ее мужем, недостойность ее любви была очевидна, поэтому и любовью с ним заниматься она не стала, сославшись сначала на слишком юный возраст, а потом на наспех придуманные собственные принципы, которые, по сути, были и не принципами вовсе, а только циничным обманом и пустой рисовкой.

Следующие трое суток Сашка беспробудно пил, а его лучшие друзья Пашка, Володя и даже Егор, сменяя друг друга, ему подливали. Помочь ничем они не могли, посоветовать было нечего, пытались только при помощи водки снять остроту ситуации. Получилось, из запоя Сашка вышел с твердой уверенностью только в одном: «Аня еще узнает, кого она потеряла! Обязательно узнает и будет «локти себе кусать», да поздно будет, Сашке она уже будет не нужна, даже если на коленях приползет, как он Гордею сказал.».

Глава 10.

К началу занятий на втором курсе Сашка немного опоздал, поехал в университет в первый раз только в понедельник 9 сентября, когда от его запоя не осталось и следа, очень уж не хотел Ане, да и остальным, слабость свою показывать.

Долго думал, как ему с Большуновой себя вести, и решил, что сам с ней разговаривать не станет и даже не подойдет ни к ней ни к Гордею с Малышкой, если она будет с ними, пусть сами к нему подходят, если по-прежнему хотят видеть и общаться. Подойдут, начнется разговор, тогда он и решит, как ему себя с ними со всеми вести.

Едва завидев его на пороге поточной аудитории, огромного лекционного зала, предусмотренного для проведения занятий в присутствии всего курса сразу, Малышка буквально бросилась вниз по лестнице к нему навстречу, чуть ли не расталкивая других поднимавшихся на верхние ряды студентов, хотя растолкать кого-то такая крошечная девушка вряд ли могла. Но сокурсники перед ней расступались, уж с очень целеустремленным видом она неслась прямо на них, расступались и с любопытством глядели ей вслед, пытаясь понять зачем или к кому она так бежит.

От этой сцены, явно привлекающей к нему излишнее и совсем нежелательное в сложившейся ситуации внимание практически всего курса, Сашка несколько оторопел, но подлетевшую кроху, с тревогой пытавшуюся заглянуть в его глаза, что из-за разницы в росте было совсем непросто, и шепотом спрашивавшую: «Ты как?», просто обнял, вызвав у всех сокурсников сочувственные взгляды. Сочувственные вовсе не к нему, как он понял буквально через пару минут, а к Малышке – Большунова в универе еще не появлялась, о том, что она «бортанула» Сашку из сокурсников никто, кроме Малышки и Гордея, не знал, и столь явное проявление чувств Малышкой окружающие списали на ее безответную влюбленность в Сашку, посочувствовав безнадежности этой любви.

Сашка поздоровался с Гордеем, и, сообщив им в Малышкой, что он в порядке, тему с Аней жестом закрыл, решив вообще ничего с ними не обсуждать, пока Большунова сама не появится.

Пока же он рассказал им о своих планах на дальнейшую жизнь, которые надумал за несколько последних дней, уже выйдя из активной фазы запоя, но еще не посещая университет. В этих планах у него был собственный бизнес, тогда еще довольно экзотичное, но уже потихоньку набирающее популярность занятие, и для начала этого бизнеса ему нужны были деньги, не те «копейки», которые он заработал за лето в стройотряде, а гораздо более существенные суммы, позволяющие купить оптом первую партию какого-нибудь дефицитного товара и продать ее в розницу, ведь именно торговля приносила тогда первым частным предпринимателям основные прибыли. Где взять эти деньги он пока не знал, но четко понимал, что единственным его «активом» является оставшаяся от родителей московская квартира. На эту мысль его навело то, что совсем недавно, буквально в июле этого, 1991, года разрешили приватизацию жилья. Вот с этой приватизации он и собирался начать, не совсем представляя, что будет делать дальше.

Большунова в университете не была ни разу до самой зимней сессии, Малышка пару раз звонила ее бабушке, втайне волнуясь за подругу, но та сказала, что все в порядке, Аня просто все еще не вернулась. Гордей с Малышкой вообще предполагали, что Аня больше учиться вместе с ними не будет, возьмет академ (академический отпуск) на год в связи с замужеством, если вообще не бросит учебу, она же теперь замужем, муж будет ее содержать, а она станет детей рожать, так зачем ей образование. Но на экзамены сразу после Нового года Большунова неожиданно пришла, ее отцу как-то удалось договориться с деканом, чтобы ее допустили до сдачи, несмотря на многочисленные пропуски занятий, хотя так было и не положено, образование то у них на курсе не заочное.

Увидев Аню на первом экзамене, Сашка даже не сразу ее узнал: свои роскошные черные волосы она состригла почти напрочь, оставив на голове стильный, но очень короткий почти «ежик», выкрашенный в пепельный блонд. На фоне новой стрижки, ее смуглая кожа казалась какой-то даже слишком темной, будто Большунова пересидела в солярии, а еще Аня очень сильно похудела, привычный костюм висел на ней как на вешалке. Но больше всего Сашку в ней поразил совершенно изменившийся взгляд, она все время смотрела куда-то вдаль, мимо бывших друзей и прочих сокурсников, и сразу почему-то было понятно, что друзья теперь именно «бывшие», общение с ними Большунову больше не интересует. Подходя, она поздоровалась со всеми сразу и ни с кем конкретно, от Малышки, бросившейся от широты души ее обнимать, аккуратно отстранилась, холодно сказав: «И тебе, Оля, привет.», и сразу отошла в дальний конец коридора, ни к Сашке ни к Гордею даже не приблизившись. Они тоже не стали к ней подходить.

«Явилась, Снежная королева!» – отреагировал на ее появление Гордей, моментально подобравший лучшее определение и ее изменившейся внешности и новой холодно-надменной манере поведения.

«Ага, только она не просто «Снежная королева», а «поджаренная».» – уточнил Сашка, на которого именно впечатление «поджаренности» произвел контраст Аниной смуглой кожи и излишне поджарой фигуры с новым цветом волос.

С тех пор Аня Большунова ходила в университет регулярно до самого его окончания, но с бывшими друзьями больше не общалась, да и среди других однокурсников друзей не завела, поскольку не стремилась, постоянно держась особняком. И они все, конечно же, отвечали ей взаимностью.

По поводу ее разрыва с Сашкой сокурсники немного пошептались у них за спиной, но ни Сашка, ни Аня, ни Гордей с Малышкой ничего об истинных причинах расставания никому

не рассказывали, поэтому тема быстро сошла на нет, тем более что гораздо больше всех интересовали первые успехи Сашки в бизнесе.

Глава 11.

А успехи эти были, уже к новому 1992 году Сашка успел сделать две вещи: приватизировать родительскую квартиру и утроить средства, заработанные им летом в стройотряде. А дело было так: еще работая в стройотряде, Сашка заметил, что единственным товаром, которого в деревенском магазине было в достатке, был остродефицитный в Москве сахар-песок. Завезли его в этот неприметный деревянный магазинчик на дальней границе Московской области еще в приснопамятные времена, сахар то товар стратегический с практически неограниченным сроком хранения. Завезли в мешках по 50 кг., а продавали на развес, то есть прямо на магазинных весах отсыпали запрошенное каждым покупателем количество в максимум пару килограммов и отпускали. Отпускали, как тогда было почти повсеместно распространено, даже можно сказать принято, с недовесом, ноль на магазинных весах, на практике был вовсе не нулем, а примерно двумястами граммами фактического веса, вот и получалось что в конце продажи на развес пятидесятикилограммового мешка в нем еще килограмм пять, если не больше оставалось. Из таких остатков постепенно накапливались целые неучтенные мешки, которые втихую пускали налево, то есть продавали за наличные без всяких документов по немного сниженной относительно первоначальной оптовой цене.

Вот в покупку таких «левых» мешков Сашка и вложил все заработанные им в стройотряде деньги, вложил, разумеется не сразу, их еще довезти до Москвы нужно было и там хранить, но за четыре месяца с сентября до Нового года Сашка уже приобрел, перевез в Москву и здесь продал несколько небольших партий, что и позволило ему втрое превысить заработанные в стройотряде деньги. Работа эта была адовой: Сашка покупал мешок и на своем горбу тащил его сначала до электрички, а потом до своей квартиры в Измайлово, машины то у него не было, и на следующий день ехал за следующим мешком. За неделю он проделывал это не меньше пяти раз, буквально каждый будний день, чтобы в выходные повесить на дверях соседних подъездов объявление о продаже сахара-песка в мешках с доставкой до двери. Соседи, привыкшие в условиях всеобщего дефицита все скупать заранее и хранить дома до лучших времен, такие мешки у него с удовольствием покупали, платя за них розничную московскую цену в пересчете на килограмм.

Деньги то, заработанные Сашкой, к Новогодним праздникам утроились, но и силы его практически покинули, постоянно таскать пятидесятикилограммовые мешки, имея протез вместо ноги, было уже практически невозможно, но сдаваться он не собирался, ему нужен был старенький автомобиль и небольшой склад, в покупку первого и аренду второго он и вложил практически все заработанные деньги.

Дело пошло намного лучше, тем более что таких сельских магазинов Сашка постепенно нашел довольно много, а число покупателей в Москве ничуть не снижалось, просто объявления о продаже Сашка развешивал уже не только в своем, но и в соседних дворах, постепенно расширяя «географию» и на соседние микрорайоны. Проблем в его бизнесе конечно тоже было немало, и машина постоянно ломалась, да и управлять ею Сашке, не признающему «инвалидные» машины с ручным управлением, имея протез вместо ноги, было совсем непросто, и склад, который он арендовал первоначально, однажды ограбили, вынеся все подчистую, хорошо, что запас товара там на тот момент был совсем невелик, и сам Сашка уже с трудом спину разгибал, продолжая работать сам у себя грузчиком, но все эти проблемы Сашка решал, и решал весьма успешно, зарабатывая все больше и больше.

И у такой увлеченности Сашки бизнесом была еще одна положительная сторона – все это время он уставал настолько, что о Большуновой даже вспоминать было некогда, времени на обычную учебу катастрофически не хватало, где уж тут силы взять на обиды или несбыточные мечты.

Окончить второй курс и не вылететь из универа ему вообще Малышка помогла, снабдившая его перед самыми экзаменами собственными подробными и очень качественными конспектами лекций и написавшая за него примерно три четверти его курсовика, который он даже не на тройку, а на четверку умудрился защитить.

Летом, освободившись временно хотя бы от учебы, Сашка стал мозговать над путями расширения своего бизнеса. И очень быстро понял, что без значительного первоначального капитала никакого качественного скачка сделать не получится, недаром еще Фридрих Энгельс, некоторые труды которого Сашка и его ровесники еще в школе изучали, сформулировал так называемый закон «перехода количества в качество». Такого первоначального капитала взять ему было негде, банки тогда были еще полусоветскими и граждан на бизнес, да и не на бизнес практически не кредитовали.

Оставался только один выход – продать родительскую квартиру, благо, вместе с приватизацией жилья в стране за год до этого и его продажу разрешили. Это было очень непростое решение, Сашка рисковал «остаться на улице» и в прямом и в переносном смысле этих слов. В прямом, поскольку жить после продажи родительской квартиры ему будет просто негде, а в переносном из-за прописки, значимость которой в жизни москвичей, да и всех остальных к тому моменту уже россиян, была все еще необычайно велика.

Сашка решил обсудить этот вопрос со своими лучшими друзьями, тем более что и момент для этого подходящий подвернулся – мальчишник перед свадьбой Володи, который в последних числах июля собрался жениться. Мальчишниками такие мероприятия тогда не называли, как-то непринято было устраивать оргии прямо накануне свадьбы, отрываясь будто в последний раз, но вот сходить мужской компанией в баню было вполне даже в духе времени, что парни и собирались сделать. Девочки легкого поведения на таких мероприятиях тогда не предполагались, и не положено как-то, да и дорого, а вот поговорить с мужиками по душам самое то.

Что Сашка и сделал.

Глава 12.

В бане они были вчетвером: жених Володя, Сашка и Пашка, как лучшие друзья жениха, и Егор, вновь вернувшийся в их кампанию после совместного отмечания Сашкиного дембеля, но появлявшийся на их горизонте нечасто, в основном, только по таким вот личным для кого-то из друзей праздникам, поскольку основное свое время Егор проводил с другими своими знакомцами, к тому моменту он уже плотно входил в одну из небольших преступных группировок, базирующихся у них на районе.

Невесту Володи никто из друзей до сих пор ни разу не видел, их знакомство с нею предполагалось только уже непосредственно на свадьбе, да и сам Володя познакомился со своей будущей женой меньше двух месяцев назад, поэтому его брак казался друзьям несколько скоропалительным. Впрочем, в то время двадцатичетырехлетний Володя, наряду с другими своими ровесниками, уже считался, да и был, вполне взрослым мужиком, способным принимать самостоятельные решения и нести в полной мере ответственность за их последствия, поэтому некоторая скоропалительность его брака никого из друзей и не беспокоила, тем более что Володя в будущую жену был очевидно влюблен, даже говорил о ней с придыханием.

Володя и его Юлечка познакомились при весьма странных для большинства людей, но не для молодого адвоката Володи обстоятельствах – в следственном изоляторе, куда Володя, незадолго до этого сдавший необходимые экзамены и получивший статус полноправного адвоката, приехал защищать Юлечку в качестве так называемого адвоката по назначению. Защитник в нашей стране положен всем, но далеко не у всех есть деньги, чтобы его оплачивать, поэтому даже в новой на тот момент России, несмотря на коммерциализацию всего и вся, в том числе и адвокатской деятельности, осталась обязательная практика назначения адвокатов, обязанных защищать тех, кто сам оплатить услуги не может. И адвокатствовать по назначению

в то время было совершенно непопулярно, в стране стремительно набирала скорость рыночная экономика, лиц, способных оплатить услуги адвокатов, становилось все больше, а число самих адвокатов почти не росло, поэтому спрос на их услуги был огромен. Огромный спрос на оплачиваемые услуги, так зачем адвокату тратить собственное время и силы на работу с подзащитным, который ничего оплатить не сможет? Ответ на этот вопрос был простым – потому что так положено по закону. Но закон же не говорит, что защитником по назначению должен быть обязательно опытный адвокат, формально то все адвокаты, что опытные, что начинающие равны, все они имеют единый статус адвоката, вот и отправляли для защиты по назначению в основном только молодых, недавно получивших этот статус людей, типа Володи, у которых никакой собственной платной клиентуры еще не было.

Володя, будучи человеком глубоко порядочным, воспитанным в духе ответственности за результаты любой работы, которую начал делать, и стремящимся себя на новом поприще максимально хорошо проявить, первым в своей практике Юлиным делом занялся со всем возможным рвением. И вскоре его выиграл, добившись полного прекращения дела и освобождения Юли от уголовной ответственности за отсутствием события преступления.

А суть дела была такова: тридцатилетняя на тот момент Юля пошла на курсы вождения в автошколу, курс теоретических занятий прошел без особых проблем, начались практические, сначала на площадке, а потом они с инструктором начали потихоньку выезжать в город. Вот примерно на десятом-одиннадцатом их выезде в город и начались проблемы: Юля, по указанию своего инструктора – невысокого лысенького дядечки лет пятидесяти – пятидесяти пяти с явно выраженным «пивным» животиком, потихоньку рулила, не особо задумываясь, куда они едут. Приехали куда-то на территорию Лосиного острова, который, в принципе, был не слишком далеко от Юлиной автошколы, где они начинали свой маршрут. Лосиный остров был тогда весьма неухоженным, а под вечер в апреле еще и достаточно темным. Инструктор предложил ненадолго остановиться и передохнуть, Юля не возражала. А вот дальше показания Юли и инструктора резко разнились.

Доподлинно было известно только одно: 29 апреля 1992 года около 20.00 инспекторы ГАИ (так тогда называлась современная ГИБДД) на выезде с территории Лосиного острова на МКАД остановили учебную машину, которая петляла по дороге, буквально шарахаясь из стороны в сторону. За рулем находилась не имеющая права на управление, не окончившая обучение Юля, инструктора рядом не было. Едва остановив машину, незадачливая водительница отказалась предъявить инспекторам ГАИ какие-либо документы и почему-то бросилась от них бежать прямо по сугробам через еще заснеженный лес вокруг. Инспекторы ее толи не догнали, толи и не пытались догнать, поленившись бегать за ней по снегу. Стали оформлять происшествие, а примерно через пятнадцать минут к ним по дороге из глубины Лосиного острова вышел мужик, представился инструктором автошколы, предъявил документы на машину и заявил, что ее угнали. Угнала ученица автошколы Юлия Юльевна Юлина, угнала внезапно и по совершенно непонятным причинам, когда они остановились передохнуть, и инструктор на пару минут отошел за кустики «по нужде». «Такая же «долбанутая», как ее фамилия,» – пояснял тогда сотрудникам ГАИ инструктор, «это же надо, ладно Юлия Юлина, это я еще могу понять, но отчество Юльевна – это уже нонсенс, отца ее, что получается, Юлием что ли звали?!?». Ответа на этот риторический вопрос инспекторы давать не стали, просто оформили происшествие как угон автомобиля. На следующий день Юлю задержали прямо у нее дома, адрес по прописке, где она и жила, установить то никакого труда не составило, и доставили в СИЗО. Вот туда к ней в качестве защитника и приехал Володя.

Юля рыдала и клялась адвокату, что уехать из того леса на учебной машине для нее было единственным выходом, чтобы не быть этим самым инструктором изнасилованной. Инструктор, якобы, и раньше ее домогался, но «на словах», она ему все время отказывала, и он отступал, а тут … Вышел из машины и сразу достал член из штанов, стал обходить автомобиль,

направляясь в ее сторону, она жутко перепугалась и нажала на газ. Кое-как доехала до выезда из леса, от страха и за пеленой слез инспекторов ГАИ просто толком не разглядела, решила, что это какие-то дружки инструктора ее подстерегают, чтобы уже всем вместе «оприходовать», поэтому и рванула от них через лес, не оглядываясь.

Над Юлиным рассказом полчаса ржали в голос все мужики, кто был в кабинете следователя по Юлиному делу, когда Володя туда пришел и пересказал ее версию событий. Отсмеялись, перезвонили инструктору с вопросом: «Зачем он, выходя из машины, член из штанов достал, что до кустиков нельзя было потерпеть?». Мужик явно смутился: «Да я с этой чокнутой задолбался уже напрочь к тому моменту, учу ее, учу, а толку ноль. За такое количество часов я уже обезьяну бы научил машину водить, а она хуже обезьяны. Пять раз просил свернуть с основной дороги на прилегающие, где кустики есть, а она только глазами хлопает и поворот пропускает, не замечает его, видите ли, поскольку смотрит только вперед, взгляд от дороги даже на долю секунды отвести боится. На этом повороте я уже не выдержал, сам за нее руль крутил прямо с инструкторского сиденья, вот и не было уже к тому моменту никакого терпежу, скакал к ближайшим кустикам как заяц, на ходу ширинку расстегивая и «аппарат» доставая.».

Смешно то, смешно, а что делать непонятно, как теперь происшествие квалифицировать. Угон автомобиля Юлей? Или, наоборот, попытка изнасилования со стороны инструктора, от которой Юля защищалась всеми доступными ей средствами, в данном случае, с использованием автомобиля? Или что-то среднее между этими вариантами, неподобающее поведение инструктора, обнажившегося в общественном месте, например, сопряженное с незаконным завладением транспортным средством со стороны Юли без цели угона? Во всех вариантах, дичайший геморрой для всех участников, в том числе для следователя и суда, понятно же, что адвокат каждой из сторон будет версию своего клиента отстаивать, а что там реально было фиг разберешься и докажешь. И, главное, ущерба то реального никому и практически никакого не причинено, даже машина учебная не пострадала.

Юлю из СИЗО Володя в тот же день забрал, добившись для нее замены меры пресечения на подписку о невыезде, отвез домой, а там ее дочка трехлетняя дожидается под присмотром пожилой соседки.

На следующий день поехал Володя снова к следователю, обсуждать, что делать, сослался на абсурдность ситуации, упомянул, что у Юли ребенок малолетний, у которого из родителей одна непутевая мать, если срок дадут, девчушка ни в чем неповинная в детдом отправится, следователь и сам уже был бы рад дело прекратить, да заявление инструктора и рапорт от сотрудников ГАИ мешали.

Убедить инструктора заявление свое забрать Володе труда не составило, достаточно было сказать, что иначе Юля встречное заявление напишет на попытку изнасилования, и там еще неизвестно, как все повернется.

С сотрудниками ГАИ было несколько сложнее, но здесь их начальник помог, выслушал всю историю, поржал, что подчиненных его в форме и с полным набором атрибутов инспекторов ГАИ заполошная баба за пособников насильника приняла, да и согласился рапорт их отозвать, раз ни у кого друг к другу претензий нет и ущерб не причинен.

Вот так и выиграл Володя свое первое самостоятельное адвокатское дело. Выиграл и в Юлю влюбился, сразу и навсегда, через месяц ей предложение сделал, а сейчас вот свадьба намечалась.

Глава 13.

Рассказ Володи в бане об обстоятельствах его знакомства с будущей женой мужиков тогда весьма позабавил, хотя некоторые моменты и смущали: и то, что Юля старше почти на шесть лет, и наличие у нее ребенка, об отце которого, по Юлиным словам, она сама ничего не знала, и ряд других обстоятельств, но тогда мужики еще и представить себе не могли, какая на самом

деле будет у Володи жена, о Юлиной просто феноменальной способности постоянно влипать в различные истории они тогда еще даже не догадывались.

А пока в бане они от обсуждения Володиной предстоящей женитьбы плавно перешли на дела текущие. Вот в этот момент Сашка друзьям и рассказал о своем желании квартиру родительскую продать и связанных с этим опасениях. И тут выяснилось, что отличный вариант продажи квартиры может предложить не кто-то далекий и неведомый и непонятно когда, а находящийся прямо здесь и сейчас старинный их лучший друг Пашка.

Пашка вернулся из армии осенью 1989 года, на полтора года позже Сашки, и почти сразу заделал своей жене второго ребенка, вернее, как позже выяснилось, не просто второго, а второго и третьего сразу, поскольку в июле 1990 года родилась у них двойня, два пацана, «двое из ларца, одинаковы с лица», как в известном советском мультике говорилось. Способность Пашки брюхатить свою жену была не менее феноменальной, чем способность будущей Володиной жены влипать в истории. Первую дочку он ей заделал или прямо на выпускном при их самом первом контакте или максимум на пару дней позже, ровно тоже произошло и с пацанами, они появились внутри своей матери или в день отмечания Пашкиного дембеля или опять же максимум в течение следующих нескольких дней.

С рождением пацанов жизнь Пашкиной семьи с тремя детьми и Пашкиной матерью в двухкомнатной хрущевке стала практически невозможной, там реально просто пройти порой было нельзя от обилия людей и вещей, и никаких перспектив решения этого вопроса без помощи родителей у молодой семьи не просматривалось. Пашкина мать помочь ничем не могла, она итак с первого дня безропотно поселила Пашку с женой у себя и с тех пор постоянно им помогала, только не деньгами, которых у нее не было, а своим трудом. И готовила, и убирала, и за малышами присматривала, и все это не переставая работать на родной прядильно-ткацкой фабрике, чего еще от нее требовать.

А вот родители Пашкиной жены, которую он, по никому непонятной причине, всегда звал Тасей, хотя по паспорту она была Таисией, это имя тогда принято было сокращать до Таи, а никак не до Таси, до Таси сокращали Анастасию, до поры до времени практически никакой помощи семье дочери не оказывали, ни жилплощадью, ни деньгами, ни просто трудом, поскольку были заняты воспитанием Тасиного младшего брата. Но в самом начале 1991 года в их семье произошла страшная трагедия – Тасин младший брат перебегал железнодорожные пути в неположенном месте и попал под поезд.

Как это произошло до конца было непонятно никому: шестнадцатилетний на тот момент пацан перебегал в этом месте не в первый раз, да и не только он один, практически все жители поселка Северный, в котором жила его бабушка по материнской линии, которую он в тот день навещал, доезжали на автобусах от своих домов до железнодорожной станции Северянин и там садились на одну из пригородных электричек, идущих в сторону центра города. И все они, опаздывая на электричку, постоянно перебегали на нужную им платформу прямо через пути, игнорируя неудобный надпутный переход с многочисленными лестницами. Такой путь был для них не просто обычным, а практически единственно возможным, поселок Северный хоть и назывался поселком, но входил в состав Москвы с 1950-х годов, а вот метро там аж до 2023 года не было. Вот и выбирались все жители в центр сначала автобусами, которые шли или до метро ВДНХ или как раз до платформы Северянин, а потом уже пересаживались на метро или электрички. Автобус все выбирали тот, который раньше приходил, где у него будет конечная – на ВДНХ или на Северянине, было не особенно важно, все-равно от любой из этих станций пути в центр города есть. Вот и в тот день Тасин брат чуть ли не с «боем» из-за крайней переполненности влез в первый подошедший автобус до Северянина, доехал на нем до конечной и, уже выходя, увидел отправляющуюся через минуту электричку до Ярославского вокзала. Побежал на нее… Что произошло дальше никто не видел, скорее всего, просто поскользнулся на обледенелых путях и, падая, ударился головой, потеряв ненадолго сознание. Этих несколь-

ких мгновений без сознания хватило на то, чтобы следующая во встречном направлении в область электричка, проходящая платформу Северянин без остановки, налетела на него на полном ходу, машинист его даже не видел.

Тасиного брата похоронили, погоревали положенное время и стали жить дальше. Летом того же 1991 года Пашкиным с Тасей близнецам исполнился год, они начали активно ходить, и проблема с жильем для Пашкиной семьи встала особенно остро. Тасины родители по-прежнему жили в трешке в панельной девятиэтажке неподалеку от двушки в хрущевке, где обитали Пашка с семьей и его мама, и молодые стали регулярно поднимать вопрос переезда к Тасиным родителям, чтобы занять там две комнаты, бывшую Тасину и ее брата, вместо одной, которая была у них в квартире Пашкиных родителей. Но Тасины родители такой перспективе были не особо рады, такого количества людей в их квартире не было никогда, в последние годы они жили там только втроем с младшим сыном, а до этого максимум вчетвером, включая Тасю, а сейчас им предстояло принять у себя пятерых, и они предложили другое решение, казавшееся вполне разумным, надо сказать: они забирают к себе бабушку из поселка Северный, освобождая ее тамошнюю однушку для Пашкиной мамы, а Пашка с Тасей остаются в своей хрущевке, занимая обе комнаты.

Поначалу вариант всем понравился, и уже к началу нового 1992 года он был успешно реализован путем оформления так называемого близкородственного обмена. Но очень быстро стало понятно, что с переездом Пашкиной мамы на другой конец города комната то лишняя у Пашкиной семьи появилась, а вот помощи по хозяйству и с детьми не стало совсем, что для семьи с тремя маленькими детьми было очень ощутимо, да еще и ездить Пашкиной маме на работу на родную фабрику теперь приходилось минимум по полтора-два часа в один конец. Стали искать вариант поменять однушку в Северном на аналогичную в Измайлово, поближе к ним, но это было совершенно невозможно: Измайлово – старый московский гораздо более престижный район с несравнимо лучшей транспортной доступностью, вот на такой обмен без доплаты никто и не соглашался, а денег на доплату не было.

Единственным вариантом квази-доплаты была комната в коммуналке, ранее принадлежавшая родителям Тасиного отца, в которой сам отец до сих пор был прописан, но на нее, даже несмотря на уникальное местоположение в самом центре города на Тверской, вообще никто не зарился. И это было понятно, уж очень своеобразной была и сама эта комната и права на владение ею.

Сама комната была так называемой запроходной, то есть имела две двери, через которые жильцы соседней комнаты проходили на кухню и в туалет, и располагалась она в доме, построенном еще в 19 веке. Этот дом сначала был доходным, но предназначенным для состоятельных горожан, в основном научной интеллигенции, которые в царские времена очень неплохо зарабатывали и могли позволить себе даже прислугу. В доме было два входа – парадный со стороны Тверской, который в конце 19 века использовали исключительно хозяева квартир, и черный – со стороны внутреннего двора, через который в свои, предназначенные специально для нее квартиры попадала прислуга. Из каждой квартиры для прислуги был второй выход, позволявший работникам проходить в квартиры хозяев через лестничный пролет, не выходя на улицу.

В таком виде дом существовал до начала активного становления советской власти, а потом началось так называемое уплотнение. Новых жильцов подселяли в квартиры к старым хозяевам без всякого стеснения, делая их коммунальными, квартиры для прислуги этой участи также не избежали. В результате, примерно к середине 50-х годов двадцатого века квартира, одна из комнат в которой принадлежала родителям Тасиного отца, выглядела примерно так: вход со стороны внутреннего двора прямо с улицы, никакого подъезда или входной группы, как сейчас говорят, вообще не предусмотрено, справа и слева по коридору две небольшие комнаты, за ними дальше по коридору справа кухня, второй выход из которой в сторону парадного подъезда просто заколочен, а слева санузел. Вполне приемлемые для тех времен условия. Но

потом наступили шестидесятые, и в Москву начали активно приглашать недостающие рабочие руки по лимиту, в том числе для работы дворниками. Жилья у таких работников в Москве не было, им его должно было предоставить то предприятие, которое их нанимало. Так произошло и с этим домом, для работы в нем дворника пригласили по лимиту, этому дворнику нужно было жилье, а свободных комнат в доме не было.

Комнату для дворника создали искусственно, просто отгородив часть парадного подъезда прямо под лестницей, где раньше второй выход из квартир для прислуги в сторону парадного подъезда располагался, благо лестница та была заложена еще в 19 веке, с широкими ступенями и плавным подъемом, вот и было под ней в районе верхних ступеней вполне достаточно места и высоты, чтобы небольшую комнату отгородить. А чтобы дворник мог пользоваться кухней и санузлом первоначально просто открыли ранее заколоченную дверь из кухни в сторону парадного подъезда, в результате, в бывшей квартире для прислуги опять стало два входа, один, как и раньше, с улицы со стороны внутреннего двора, которым пользовались все жильцы квартиры, кроме дворника, а второй в парадном подъезде под лестницей, через который дворник попадал прямо в свою комнату, и уже из своей комнаты мог войти в кухню, пройти ее насквозь и через противоположный выход попасть в общий коридор, а из него в санузел.

Все бы хорошо, если бы не газовщики, буквально вставшие на дыбы – использовать газовое оборудование, в частности, плиты в запроходных, то есть имеющих два входа/выхода, помещениях по нормам тогда не допускалось. Кухню нужно было переносить в другое помещение, и такое помещение в квартире было только одно – комната, в которой проживали родители Тасиного отца, поскольку она соседствовала с санузлом, а значит, и со стояком для подачи воды, к которому в ней мойку можно было подключить.

Родителям Тасиного отца было предложено переехать из своей отдельной комнаты в запроходную бывшую кухню с одновременной постановкой на учет, как нуждающихся в улучшении жилищных условий. Они согласились, но их очередь на улучшение до их смерти так и не подошла.

После смерти своих родителей, в этой комнате прописанным остался только Тасин отец, который там не жил, по понятным причинам предпочитая панельную кооперативную трешку в Измайлово, которую им с женой удалось получить для себя и детей в 1976 году, вступив в жилищно-строительный кооператив от той самой прядильно-ткацкой фабрики, на которой они оба работали, и дополнительно оформив в этих целях фиктивный развод, иначе Тасиному отцу по тогдашним законам никак бы не удалось и в кооператив вступить и прописку в комнате на Тверской сохранить.

Вот эту комнату для прописки вместе с однушкой в поселке Северный для продажи Пашка сейчас и предлагал Сашке в обмен на его двушку в Измайлово.

Глава 14.

И предложение это всем тогда показалось очень удачным: и Сашка и деньги на развитие бизнеса получает за счет продажи однушки в Северном и прописку московскую сохраняет в коммуналке на Тверской и Пашка мать свою в соседний дом перевозит, чтобы с детьми снова помогала. Все довольны, поскольку все при своем интересе.

Сразу после бани обсудили этот вариант и с Тасиными родителями и с Пашкиной мамой, последняя, понятно, сразу согласилась, ей вернуться в привычное Измайлово буквально и к сыну «под бок» и к работе близко только в радость. Тасины родители тоже были не против, но вставал вопрос, как задуманное реализовать: получалось, что какое-то время Сашка будет иметь два жилья – и однушку в Северном и комнату в коммуналке, но сразу в двух местах он один прописаться не может, а иметь жилье, в котором никто не прописан, тогда, даже несмотря на уже начавшуюся приватизацию, еще не разрешалось.

Пришлось мудрить: сначала Сашка и Пашкина мама оформили обмен двушки в Измайлово на однушку в Северном и перепрописались каждый в свое новое жилье, потом Сашка и

Тасин отец обменялись между собой – Тасин отец получил однушку в Северном, а Сашка комнату в коммуналке, опять перепрописались каждый по новому месту жительства, а уже потом Тасин отец продал однушку в Северном стороннему покупателю, который там и прописался, а Тасин отец в связи с продажей просто выписался и прописался к жене в трешку в Измайлово. Вся эта круговерть заняла бы очень много времени, оформление прописок/перепрописок тогда тянулось долгими месяцами, если бы не готовность Сашки немного «подмазать» деньгами то там, то тут. А так, с Божьей помощью и Сашкиными подношениями чиновникам, управились со всем уже к концу сентября.

И Сашка сразу же вложил деньги в бизнес, зарегистрировав собственную компанию и впервые купив на нее сахар-песок легально, и не в розничных магазинах и даже не у московских оптовиков, а непосредственно на сахарных заводах в Тамбовской области. Причем купил он даже не реальный сахар, а будущий, который произведут из сахарной свеклы, прямо сейчас собираемой с полей и привозимой на заводы окрестными сельскохозяйственными предприятиями. Отпускную цену получил с большим дисконтом, еще бы, будущий товар тогда если и покупали, то только с отсрочкой платежа до момента фактического отпуска, а Сашка платил сразу реальными деньгами, поэтому и оптовую скидку ему давали не от будущей цены, которая вообще еще была непонятна из-за несобранности урожая, а от цен текущего года. Теоретически, Сашка мог и проиграть, если бы урожай был необычно высок и его весь удалось собрать с полей, что уронило бы будущие цены на сахар, но Сашка рискнул, понадеявшись на галопирующую тогда в стране инфляцию, и выиграл.

Выиграл по-крупному и очень много, но понятно это стало только ближе к Новому году, а пока Сашка, лежа по ночам без сна в той самой коммуналке, продумывал как ему свой бизнес и дальше развивать и диверсифицировать.

Лежал без сна он не просто так: жить в коммуналке было совершенно невозможно, его соседями были старушка-привидение, которой на вид было лет примерно сто пятьдесят, и семья запойных алкоголиков. Старушка жила в бывшей комнате дворника и, в принципе, была безобидной, если бы не одно «НО»: на кухню и в туалет она ходила через Сашкину комнату, а в туалет ей даже ночью нужно было примерно раз в полчаса, но основная проблема с ней была вовсе не в этом – дойти до туалета она нередко не успевала, писаясь себе под ноги прямо по пути, чаще всего посреди Сашкиной комнаты. Старость, что поделаешь. Сашка даже на нее не ругался, просто, сжимая зубы, молча убирал и вновь ложился, начиная думать о перспективах развития бизнеса, как о единственном способе выхода из ситуации с жильем, еще активнее. А стоило ему наконец задремать, доходили до кондиции и начинали буянить соседи-алкоголики. Сашка вставал, также молча и сжав зубы шел к ним, и парой несильных ударов под дых вырубал мужика до утра. Увидев бездыханного мужа, его супружница заходилась в горьком плаче минуты на три, а потом и сама отключалась. Так повторялось из ночи в ночь, и ни мужик ни его супружница ни разу на утро даже не вспомнили, что предыдущей ночью Сашка к ним заходил.

И Сашкина вынужденная бессонница не прошла даром, он придумал, таки, способ развития своего бизнеса, который, по итогу, принес ему не просто большие, а немыслимые ранее, реально огромные деньги. «Если я могу купить не реальный, а будущий сахар, то почему другие покупатели не могут купить будущий сахар уже у меня?» – задался он вопросом однажды ночью и тут же сам себе и ответил, что могут, во всяком случае, стоит попробовать им это предложить.

И предложил, буквально на следующий день напечатав на самых обычных листах А4 следующий текст: «Предъявитель сего имеет право в любой момент получить на складе, находящемся по адресу: …, один мешок сахара-песка весом 50 кг.», и внизу поставив свою подпись, как генерального директора компании, и печать. И саму идею и этот предъявительский «сертификат» Сашка придумал полностью сам, он тогда даже понятия не имел, что аналогичные складские свидетельства, именуемые варрантами, в странах с развитой рыночной экономикой

существовали с незапамятных времен, использовались они и в царской России и в первые годы советской власти, но потом полностью вышли из оборота и были начисто забыты. И о том, являются ли эти «сертификаты» ценными бумагами, могут ли перепродаваться, а не только обмениваться на товар, или передаваться в залог банку, например, он тогда совершенно не задумывался, да и не только он, первое упоминание о складских свидетельствах появились только в Гражданском кодексе Российской Федерации, первая редакция которого начала действовать в 1995 году, а правил их обращения вообще практически не было до начала 2000-х.

Первоначально Сашка таких сертификатов выпустил ограниченное количество, сопоставимое в его реальными складскими запасами, рассчитывая, что за месяц – полтора, оставшиеся до первых поставок будущего сахара, «отоваривать» эти сертификаты придут не все их покупатели, а потом он уже успеет заместить проданный из складских запасов товар за счет новой поставки. И продавал он эти сертификаты по текущим отпускным ценам реального сахара. Бумажки-сертификаты «разлетелись» буквально за три дня, а вот отоваривать их покупатели не торопились, к концу октября Сашка был и при деньгах за сертификаты, и при старых товарных запасах, и при новой поставке.

И тогда Сашка решил рискнуть, выпустив такие сертификаты уже не только на свои реальные товарные запасы, но и под все уже законтрактованные им будущие поставки. Эта работа требовала довольно больших затрат времени на печатание сертификатов и их продажу, поэтому он снял для своей компании небольшой офис в подвале недалеко от метро Шаболовская, купил в него персональный компьютер и принтер и нанял двух помощниц, одна сертификаты печатала, а вторая оформляла их продажу. Через две недели все вновь выпущенные сертификаты были проданы, и не просто проданы, в Сашкином офисе за ними с утра до ночи непрерывная очередь стояла.

Уже к началу нового 1993 года стало понятно, что Сашка выиграл крупно сразу по двум направлениям: и цена, по которой он в сентябре закупил «будущий» сахар, была ниже реальной розничной, сильно взлетевшей по причине очень высокой инфляции, помноженной на низкий урожай, еще и в значительной степени так и оставшийся под снегом несобранным из-за развала сельского хозяйства, почти в три раза, и продал он этот самый сахар через сертификаты уже раз пять или шесть. Денег у Сашки стало столько, сколько он никогда раньше даже представить себе не мог, но останавливаться на достигнутом он не собирался.

Глава 15.

Начало 1993 года ознаменовалось для Сашки сразу двумя новыми направлениями бизнеса, которые он начал активно развивать – скупкой акций сахарных заводов, которые как раз проходили процедуру приватизации, у их работников и организацией «карусели» из своих сертификатов, которые он начал использовать как полноценные ценные бумаги, выкупая их обратно с дисконтом от первоначальной цены и продавая вновь по ценам текущим, привязанным к рынку реального сахара.

И для всего этого ему отчаянно нужны были надежные помощники, роль которых он изначально предложил своим ближайшим друзьям. Суть его предложения для друзей была проста – возьми на себя управление одним из направлений бизнеса, для каждого из которых я создам совместно с тобой новую компанию, 70 % которой будет принадлежать мне, поскольку я вкладываю все деньги, а 30 % тебе, как плата за твой труд, направление выбери сам. Хочешь, управляй финансовой компанией, которая занимается сертификатной «каруселью», хочешь, бери под себя производственную, скупающую заводы, а хочешь, торговую, владеющую складами и продающую сахар-песок в розницу.

Такое предложение он одновременно сделал и Пашке, и Володе, и Егору, но ни один из них его не принял. Первым и сразу отказался Егор, сославшись на то, что уже слишком тесно связан с бандитами и погряз в их делах, а оттуда так просто не выберешься, во всяком случае живым. Вместо этого Егор предложил Сашке стать его «крышей», обеспечивая защиту

Сашкиного бизнеса от посягательств других бандитских группировок за согласованную плату, которую Сашка будет отстегивать той бандитской группировке, в которой состоял Егор. Сашка согласился, «крыша» тогда была ему действительно необходима, а договариваться через Егора оказалось сподручнее всего. Володя тоже отказался довольно быстро, сказав, что ему все-таки интереснее развивать собственную адвокатскую практику, а Сашка, при необходимости, всегда может стать его клиентом. Пашка думал дольше всех, но, по итогу, отказался и он, просто не поверив в устойчивость Сашкиного бизнеса, неясные перспективы получения части прибыли ему показались более рискованными, чем обещанная, хоть и совсем маленькая и нерегулярно выплачиваемая заработная плата от существующей еще с 1830-х годов прядильно-ткацкой фабрики. И взамен, в отличие от Володи и Егора, Пашке предложить Сашке было нечего.

Ни Гордею ни тем более Малышке предложения стать его партнерами в бизнесе он тогда не делал. Малышку в этой роли рассматривать ему тогда даже в голову не пришло, бизнес начала 90-х был явно неженским делом, уж очень много было «жести», которой он сопровождался, Сашка сам то порой опасался за свою жизнь, куда уж тут девчонку в долю брать. С Гордеем ситуация была чуть иной, про его привлечение Сашка думал, но решил пока от этой мысли отказаться, ему было важно настолько превзойти всех сокурсников, и Гордея в их числе, чтобы до Ани Большуновой точно донесли информацию, кем он стал и от кого она, на самом деле, отказалась, предпочтя ему своего нынешнего мужа. Для всех сокурсников он должен быть стать просто недосягаемым, поэтому привлекать Гордея к своему бизнесу и, соответственно, приближать того по достижениям к себе, он счел неразумным.

Вместо привлечения к своему бизнесу друзей за долю, ему пришлось нанять управляющих для каждого направления за зарплату, что, в конечном итоге, было не так уж и плохо. Этих управляющих он довольно быстро нашел через своих знакомых в Союзе ветеранов Афганистана, именно эта организация, помимо всех прочих своих задач, искала варианты трудоустройства для таких же, как сам Сашка, бывших воинов, но, в отличие от него и его сокурсников, не сумевших столь удачно найти себя в новой жизни после дембеля. Предлагаемая Сашкой зарплата, в разы превышающая все ставки на бывших государственных заводах и фабриках, была для них очень привлекательной, а для Сашки они были лучшими работниками, так как, имея за плечами боевой опыт, участвовать в бизнесе, который в начале 90-х мог в любой момент стать «кровавым» в прямом смысле этого слова, они не боялись.

Сашка выбрал лучших из лучших, быстро договорился с ними об условиях работы, и дело пошло.

К концу третьего курса, пришедшегося для Сашки на середину 1993 года, он уже владел четырьмя приватизированными сахарными заводами, и находился в процессе покупки еще четырех, который планировал завершить до начала нового 1994 года, крутил «сертификатную карусель» таких масштабов, что для хранения заработанных денег и управления ими пришлось срочно прикупить небольшой банк, крупные склады с готовой продукцией имел уже практически во всех российских городах-миллионниках, а также закупил для каждого из этих складов фасовочно-упаковочные линии, которые позволяли ему поставлять в розничные магазины сахар-песок и сахар-рафинад кусковой в фирменной упаковке с названием его компании, которая постепенно становилась известной по всей стране.

Несмотря на всю свою занятость в бизнесе, университет Сашка так и не бросил, не без оснований считая, что именно периодическое появление там давало ему возможность демонстрировать Большуновой свои успехи. Только ходил он теперь в университет по-особенному. Во-первых, не ходил, а ездил, приобретя для себя один из первых появившихся в России шестисотых Мерседесов, который на парковке перед Первым Гуманитарным корпусом МГУ моментально обступали со всех сторон любопытствующие студенты всех курсов и направлений. Во-вторых, его непременным атрибутом в одежде стал ультрамодный тогда среди «новых русских», к которым теперь относился и Сашка, малиновый пиджак. Ну, а в-третьих, в руках у

него всегда был первый переносной телефон, которого тогда не было практически ни у кого в университете. Этот аппарат представлял собой черный пластиковый прямоугольник примерно двадцати сантиметров в длину, пятнадцати – в высоту и пяти в ширину, увенчанный сверху ручкой, на которой размещалась обычная телефонная трубка, как на стационарном телефоне, присоединенная к корпусу аппарата прекрасно знакомым всем витым шнуром. Весил такой телефон несколько килограммов, и носить его с собой было довольно бессмысленно, поскольку Сашке практически некому было по нему звонить, у подавляющего большинства других людей переносных телефонов то тогда не было, да и нестационарная связь в городе работала еще совсем плохо, но само по себе наличие этого атрибута делало Сашку в глазах окружающих даже более успешным, чем шестисотый Мерседес и малиновый пиджак. И Мерседес и пиджак хоть и очень дорогие, но их один раз купил и пользуйся, а наличие переносного телефона говорило о том, что высокие доходы его обладатель имеет постоянно, поскольку мобильная связь тогда стоила просто «космических» денег, а оплачивать ее нужно было ежемесячно.

Благодаря этим трем атрибутам, Сашкины успехи в университете оценили абсолютно все, не только студенты, но даже преподаватели, и не просто оценили, а говорили о них постоянно, Сашка уже давно стал для всех них этакой «притчей во языцах», для всех, но… Но не для Аня Большуновой, которая на Сашкины такие явные успехи вообще никак не реагировала, предпочитая по-прежнему всегда оставаться в университете в одиночестве, практически ни с кем не общаясь и даже не здороваясь. Сашку такое ее невнимание здорово задевало, но виду он не подавал, втайне надеясь, что невнимание это демонстративное, а не настоящее, и то, с какой «помпой» он каждый раз появляется в универе она не замечать не может, тем более что входить в число его друзей или просто знакомых среди университетского люда постепенно становилось невероятно престижно. Во всяком случае, Малышке с Гордеем, которых Сашка периодически после занятий куда-то подвозил, все окружающие откровенно завидовали, провожая их, садящихся в его Мерседес, долгими взглядами.

Глава 16.

Во взаимоотношениях же самих Малышки и Гордея с Сашкой почти ничего не изменилось.

Оля за Сашку училась, отчаянно прикрывая, когда это было возможно, его многочисленные пропуски занятий, снабжая его конспектами, натаскивая перед экзаменами и вновь написав за него курсовик, который он благополучно сдал, правда, в этом году уже только на тройку. Зачем Оле это было нужно, не знал никто, кроме нее самой, она же, продолжая втайне вздыхать по Сашке, ничуть не утратив за эти годы своей искренней горячей любви к нему, считала совместную учебу с Сашкой в университете единственным способом сохранить их общение, а значит, и единственным, пусть и призрачным шансом все-таки когда-нибудь быть с ним вместе. И никакие Сашкины успехи в этих Олиных мечтах ничего не меняли, Сашка был нужен ей любым, что инвалидом-афганцем из самой простой рабочей семьи, практически совсем без денег и с неясными перспективами на будущее, что преуспевающим бизнесменом, владельцем «заводов, машин, пароходов», как говорится в известных стихах.

Гордей же просто с Сашкой дружил, с удовольствием участвуя в совместных попойках, которые Сашка теперь обожал периодически устраивать для своих друзей. И в этих попойках Гордей постепенно становился одним из самых верных Сашкиных сотоварищей, выпивая с ним ровно столько, сколько необходимо, чтобы классно развлечься, а не напиться до беспамятства, как и сам Сашка любил делать. Другие же Сашкины друзья для участия в таких развлечениях подходили намного меньше: Пашка попойки воспринимал именно как попойки, очень быстро нажирался буквально «до зеленых соплей» закупленным Сашкой элитным алкоголем, который как будто стремился поскорее «вылакать» до донышка, сам то он себе, имея мать, жену и троих детей, а также мизерную зарплату, позволить себе ни виски, ни текилу, ни французский коньяк не мог в принципе. Егор теперь почти всегда был мрачен и довольно быстро убегал с

Сашкиных вечеринок по своим бандитским делам, особенно не раскрывая друзьям причины своей хандры, а Володя был почти постоянно занят вытаскиванием своей Юлии Юльевны из ее бесконечных историй.

Вообще, за неполный год, прошедший с Володиной свадьбы с Юлией Юльевной, Володя обрел в жизни две вещи: любимую жену, постоянно влипающую в самые что ни наесть абсурдные ситуации, из которых ее нужно было чуть ли не каждодневно спасать и вытаскивать, и трехлетнюю на момент его знакомства с женой, а сейчас уже четырехлетнюю Юлину дочку Светочку, моментально интуитивно определившую внезапно обретенного папу Володю в свои главные защитники, надежды и опоры и обожавшую его в связи с этим буквально до стадии «пускания пузырей». Володя совершенно искренне отвечал Светочке тем же, также с первых дней приняв ее за дочь, родную, любимую и единственную, пока единственную, как он надеялся. И вместе с Володей Светочка обрела не только папу, но и души в ней не чаявших старших родственников – Володиных бабушку и дедушку, которые сразу взяли малышку под свое крыло. Светочку, в отличие от ее мамы, они искренне любили, денно и нощно за ней присматривали и всячески помогали растить, по мере своих сил и возможностей, конечно же.

С Юлей было сложнее, Володиных родных напрягало и то, что она довольно существенно старше, и то, что она Светочку родила вообще непонятно от кого, да еще и всегда как-то очень уклончиво отвечает на вопрос о перспективе совместных с Володей детей, и то, что она очень уж к жизни не приспособлена.

Эта Юлина неприспособленность к жизни выражалась буквально во всем, от потери шестнадцатой за зиму пары перчаток, до бесконечных смен работы, поскольку ее постоянно увольняли за опоздания и другие незначительные, но каждодневные проступки, от искреннего незнания практически ничего про Светочкиного отца до комичной истории с несостоявшимся изнасилованием, в рамках которой они с Володей и познакомились, от неспособности адекватно реагировать на сколько-нибудь проблемные ситуации, поднявшуюся температуру у той же Светочки, например, от мысли о которой Юля тут же впадала в транс, беспрерывно плача и причитая, но ничего толком не делая, до сломанной прямо на свадьбе из-за неудобных туфель ноги.

Всех окружающих, кроме Володи, Юлины бесконечные «косяки» или бесили или откровенно пугали, и только Володя, в большинстве случаев, относился к ним снисходительно, как к милым причудам любимой женщины. Когда же эти причуды начинали грозить довольно серьезными последствиями, он все-равно на жену не злился и не обижался, он, не медля и практически не задумываясь, бросался ее спасать, как бы искупая свою несуществующую, но навсегда поселившуюся в его сердце вину за то, что, будучи еще малышом, не смог спасти своих родителей.

Володю совершенно не смутил рассказ Юли об обстоятельствах рождения Светочки, он просто предпочел искренне поверить в то, что двадцатишестилетняя Юля, оставшаяся в полном одиночестве после недавней смерти своей мамы, поехав первый раз в жизни отдыхать к морю, чтобы немного развеяться, в первый же вечер впала в какой-то неописуемый восторг и по поводу моря, и по поводу местной еды и домашнего вина, моментально создающего ощущение «невообразимой легкости бытия», и по поводу людей, которые ее там окружали, наперебой приглашая танцевать и постоянно подливая в ее бокал пузырящийся напиток. Юля весь вечер была в центре внимания, за ней ухаживали сразу несколько мужчин, имен которых она даже толком не запомнила. Юля кружилась в танце то с одним, то с другим, много смеялась и уже ближе к утру с удовольствием приняла приглашение прогуляться по пляжу и даже искупаться голышом, следуя за постепенно ускользающей лунной дорожкой. Там в воде один из мужчин – красавчик атлетического телосложения, начал ее страстно целовать, Юля не сопротивлялась, даже не заметив, как они остались сначала в воде, а потом вышли на берег совершенно одни. На пляже их удовольствия продолжились, страстно и безудержно ласкавшему ее

на песке любовнику Юля не менее страстно отдалась, не думая о последствиях. Очнулась на следующий день ближе к полудню в своей комнате в санатории, не помнившая, как там оказалась, но удовлетворенная, как мартовская кошка, и мечтавшая о продолжении… Никакого продолжения не последовало, своего вчерашнего кавалера Юля даже опознать в толпе отдыхающих в последующие дни ни разу не сумела, а может его среди них уже и не было, утром в день Юлиного счастливого пробуждения у многих отпускников заканчивался срок пребывания в санатории, и они разъехались в сторону вокзала и аэропорта еще до завтрака, мучаясь от головной боли после предшествующего отъезду бурного отмечания «отвальной» в их последнюю ночь на морском побережье. А через девять месяцев у Юли родилась Светочка.

Как Юля сумела дорастить Светочку живой и здоровой до трех лет, когда эту эстафету у нее наконец перехватили Володя и его родственники, было вообще непонятно. Юля вечно «витала в облаках», засмотревшись на витрину какого-нибудь магазина, могла прийти в садик на час позже положенного и без Светочки, напрочь забытой у той самой витрины. Опомнившись, неслась со всех ног назад за ребенком, умненькая не по годам Светочка, слава Богу, терпеливо ждала ее на том самом месте, где потерялась, вернее, где мама ее потеряла, сама то Светочка, несмотря на малолетний возраст, собрана была не в пример своей маме, поэтому терялась по собственной неосмотрительности крайне редко. Вызванную простудой температуру у Светочки мама тоже сама замечала крайне редко, гораздо чаще ей на это указывали нянечки, воспитатели или медсестра в детском саду, И Юля сразу впадала в невообразимую панику, устремляясь с ребенком в какое-нибудь совершенно неподобающее случаю место, в травмпункт или инфекционную больницу вместо детской поликлиники, например.

И примерно также в Юлиной жизни обстояло вообще все, что все Володины друзья и близкие поняли еще на свадьбе, под конец которой Юлечка, надевшая необыкновенно нравящиеся ей, но сильно маловатые туфли подруги, умудрилась упасть и ногу в двух местах сломать, из-за чего потом полгода лечилась и восстанавливалась. Все произошло молниеносно, Володя отвернулся от новоиспеченной супруги буквально на пару секунд, чтобы Светочку в подъехавшее такси усадить, Юля, измучившаяся в отчаянно жмущих ей весь вечер туфлях, зацепилась их каблуком за какое-то препятствие и тут же рухнула прямо под колеса такси. Юля упала, но застрявшая в препятствии туфля с нее даже не думала слетать, неестественно выворачивая Юлину ногу, из-за чего образовался такой непростой перелом, что даже металлическую спицу пришлось вставлять, чтобы все нормально срослось. «Финита ля комедия», как говорится, или вот такая у них получилась необычная веселая свадьба, которую потом еще долго все со вздохами вспоминали.

И почти с каждой Сашкиной попойки Володя был вынужден срочно убегать, если ему вообще удавалось выбраться из череды Юлиных «залетов» и их последствий и туда попасть, поскольку приходил кто-то из его родных с описанием очередной Юлиной проблемы, внезапно возникшей пять минут назад буквально на пустом месте, но которую нужно было срочно решать.

Вот и становился постепенно Гордей самым близким Сашкиным другом, с которым он больше всего общался, хоть единственным лучшим по-прежнему и не считал, не позволяя себе даже мысленно низвергать с этого пьедестала Пашку с Володей.

Глава 17.

В ходе одной из таких попоек, Гордей Сашке еще и очередное направление для развития бизнеса подсказал.

А дело было так: оставшись вдвоем, поскольку остальные друзья уже разбежались, Сашка с Гордеем заказали себе «девочек», поразвлекались с ними, пока желание было, а потом, расплатившись, прогнали, погрузившись в обсуждение разных своих жизненных проблем.

Сашку беспокоила перспектива зимнего содержания его заводов, имея их в собственности уже четыре, он остро ощущал, что за ним теперь стоит примерно пятьсот человек, работа-

ющих на этих заводах, и практически полностью зависящих от его, Сашкиного, умения вести бизнес, поскольку заводы эти для своих населенных пунктов были так называемыми градообразующими, то есть, по сути, единственным местом работы для местного населения во всей округе. Встанут его заводы – у людей не будет зарплаты, не будет зарплаты – не на что станет кормить семью, другой то работы нигде не найти, ее просто нет. Ни мужикам не найти ни бабам, поскольку от завода зависит в округе буквально все: отопление жилых домов, школ и детских садов, которые на балансе завода, снабжение медикаментами и прочими медицинскими изделиями подшефной заводу местной больницы, работа муниципального транспорта, который совсем развалится, если заводские ездить на нем не станут и, соответственно, платить за проезд не будут, даже завоз продуктов в местный магазин, который, не имея выручки от тех же заводских, сидящих без зарплаты, просто не сможет ничего закупить.

А заводы зимой обязательно встанут, им просто урожая сахарной свеклы не хватит, чтобы работать дольше, чем до декабря. Так уже несколько последних лет и было – в сентябре-октябре свеклу из нового урожая завозят и прямо с полей пускают в переработку, запуская завод. Урожай настолько мал, что на склад удается заложить совсем крохи, буквально до декабря завод еще как-то пыхтит, а дальше швах, ни одной свеколки для переработки нет, остается только в простой до нового урожая уходить. А простой, пусть и вынужденный – это даже по закону неполная оплата для рабочих, которые итак от зарплаты до зарплаты еле перебиваются, а уж в реальности, простой – это вообще без копейки, хоть «зубы на полку клади».

Вот так люди уже некоторое количество лет и жили, спасаясь зимой только заготовками с личных приусадебных хозяйств, но Сашка так не хотел, ему людей было откровенно жаль.

«А как раньше, до перестройки, эти проблемы решали?» – спросил его тогда, услышав Сашкин невеселый рассказ, Гордей.

«По словам бывших директоров моих заводов, государство сахар-сырец закупало за рубежом, везли по морю огромными баржами вместимостью десятки тысяч тонн, уже здесь в портах перегружали в железнодорожные вагоны и дальше уже доставляли до самых заводов, пути то подъездные железнодорожные на каждом заводе поэтому и есть.» – ответил ему Сашка.

«Так, а сейчас что мешает также сделать?» – удивился Гордей.

«Так я же не государство, даже не знаю, как к этой задачке подступиться, где найти поставщиков этого самого сахара-сырца, как с ними связаться, как везти, как контрактовать, да я вообще ничего из этого не знаю!» – весьма эмоционально ответил ему Сашка, «Да и английский у меня, сам знаешь, читать и переводить еще кое-как могу, а говорить практически нет. Ну, и кто из серьезных зарубежных поставщиков со мной таким станет договариваться?» – добавил он после небольшой паузы.

«Денег дашь мне на поездку в Европу? Я слетаю, все там выясню. Жил я там несколько лет с родителями и, насколько я понимаю тамошнюю экономику, если ты готов платить, тебе там все сами принесут, все расскажут и покажут, только плати. И английским я свободно владею, так что договорюсь как-нибудь.» – предложил Гордей.

«Конечно лети!» – моментально загорелся идеей Сашка, «Если что-то из этого выгорит, я тебе Мерседес куплю, такой же, как у меня.».

Гордей Сашкиным предложением остался очень доволен, и улетел в Европу буквально через пару дней, только первые две недели он напрасно потратил, пытался в Париже найти нужные контакты, а там их не было. Но к концу июля разобрался, перебазировался в Лондон и сумел, таки, выйти на транснациональную корпорацию со штаб-квартирой как раз в Лондоне, которая сахар-сырец на бирже покупала, суда для его перевозки фрахтовала и в любую страну мира отправляла. Уже к середине августа прислал Сашке драфт контракта на первую поставку.

А к 1 сентября вернулся с уже подписанным контрактом, согласованным каналом оплаты и радужным ожиданием заслуженного Мерседеса.

Сашка не обманул, не только Мерседес ему новехонький подогнал, но и предложил жить из общежития к себе в гостиницу переехать. Сашка к тому моменту от своей безумной коммуналки уже окончательно устал, но жилье себе покупать не стал, решил, что незачем, в гостинице жить намного удобнее – и тебе уборка ежедневная, и фитнес-зал с баней прямо в этом же здании, и еда отличного качества или в ресторане на первом этаже или в номер круглосуточно, да и «девочек» для утех плотских всегда можно пригласить, из тех, что в лобби при входе с утра до ночи околачиваются. Вот и спрашивается, чего еще желать, да зачем другое жилье себе покупать! Сашка и не стал ничего покупать, снял люкс трехкомнатный на последнем этаже в одной из лучших гостиниц в самом центре Москвы, да туда и переехал, оставшись прописанным в своей коммуналке.

И Гордей с ним поселился, развлекались они с тех пор исключительно вместе, от их веселых загулов весь отель гудел периодически, но выселить их не решались, уж больно «сладко» было для владельцев гостиницы один из самых дорогих номеров постоянно забронированным иметь. Да и от развлечений этих, кроме шума, вреда особого не было, они же не бандиты, ни драк, ни стрельбы, ни жалоб на жестокость от приглашенных «девочек».

Вот только в универе они теперь в разных группах учились, перед началом четвертого курса всех «перетасовали», сформировав новые группы в соответствии с выбранной специализацией. Выбор этой самой специализации в то время был процессом весьма своеобразным, за каждой профильной кафедрой закреплялось строго определенное количество мест, чтобы весь поток равномерно по специализациям распределить, вот только жизнь вокруг менялась тогда ежедневно буквально на глазах, а вместе с ней менялась и престижность специализаций. До перестройки у студентов интерес был ко всем направлениям примерно равный, а в новое время резко перераспределился в пользу международного права и цивилистики, которую в том или ином виде преподают сразу несколько кафедр, а вот криминалистические специализации свою престижность почти утратили, во всяком случае, на Юрфаке МГУ. Поэтому почти все студенты хотели для специализации выбирать кафедры из спектра международного или гражданского права, но сам университет настаивал на принципе равномерности распределения потока по всем направлениям, для чего и был применен абсолютно честный принцип рейтингового распределения, как его сейчас бы назвали. Из всех студентов, оканчивающих третий курс, составили единый список по успеваемости за весь период обучения, во главе отличники, в конце самые отстающие. Вот по этому списку всех и вызывали в деканат, первый вошел, выбрал желаемую специализацию, место за ним закрепили. Когда все места на какую-либо кафедру выбраны, остальным студентам их просто не предлагают. И принцип этот был не просто честным, он объявлен был всем студентам заранее, поэтому наиболее амбициозные, кому выбор желаемой специализации казался крайне важным, даже единственные четверки, полученные еще на первом курсе на каком-нибудь экзамене по предмету, преподавание которого на первом же курсе и закончилось, на третьем курсе старались на пятерку пересдать. И многим это удавалось, что, помимо выбора желаемой специализации, потом и еще к одному ощутимому результату привело – когда Сашкин курс в 1995 году выпускался, красных дипломов выпускникам было выдано так много, что курс навсегда остался в истории Юрфака МГУ так называемым «золотым».

Но до выпуска было еще далеко, и пока еще третьекурсники Гордей и Аня Большунова, учившиеся чуть ли не лучше всех на потоке, без особых проблем закрепили для себя места на специализации по международному праву, и с четвертого курса оказались в одной группе. А вот Малышка, тоже отличница, но твердо намеренная после выпуска жить и работать в России, в отличие от большинства выбиравших в качестве специализации международное право, специализироваться решила по праву гражданскому, то есть по той самой престижной цивилистике в чистом виде, и оказалась на четвертом курсе в другой группе. Сашка три курса окончил с трудом, учился вообще уже давно только Малышкиными стараниями, да и понимание, что

по специальности он все-равно работать уже никогда не будет, у него уже было, поэтому ему досталось одно из мест на кафедрах спектра криминалистики, и отличная от всех его друзей группа на четвертом курсе, соответственно.

Глава 18.

Четвертый курс потихоньку начал набирать обороты, но дружить Сашка с Гордеем и Малышкой не перестали, несмотря на формальную учебу в разных группах. Уже к концу октября Гордей не только с Сашкой вместе жил и развлекался, но и работать стал на него полноценно, в феврале ожидались прибытием первые из законтрактованных Сашкой с помощью Гордея судов с сахаром-сырцом, и Сашка нанял Гордея управляющим этим процессом – суда в России принять, разгрузить и сырье по железной дороге доставить до заводов, где их после нескольких лет отсутствия в связи с прекращением еще советских поставок ждали и руководители и работники. Ждали с почти мистической верой, что только Сашка и может их всех спасти, вновь обеспечив круглогодичную работу и заработки.

И ждали не только на этих четырех заводах, еще четыре, скупкой акций которых Сашкины управляющие как раз в это время занимались, планируя завершить ее к Новому году, под Сашку «ложились» именно с этим условием – дай нам работу круглый год, и мы будем не просто «под тобой», мы будем за тебя, все, от мала до велика, от директора до последней уборщицы, захочешь стать нашим депутатом – выберем, а задумаешь быть нашим пророком – уверуем и станешь, вот как велика была тогда надежда простых людей на «новых русских» вершителей судеб и столпов экономики. И Сашка им эту работу обещал, если не в текущем году, то в следующем уж точно.

И Гордей с новой работой справлялся, небезупречно, конечно, но с первого раза все идеально никогда и не бывает, поэтому допускаемые время от времени ошибки Сашка ему прощал, тем более что видел в Гордее одно главное качество – тот явно старался сделать все наилучшим образом, работал «не покладая рук», поэтому Сашка и верил, что результат, пусть и не самый лучший, но будет достигнут, в первый раз из-за отсутствия опыта небезупречный, зато дальше дело пойдет намного лучше, накопленный опыт будет в том Гордею явным подспорьем.

И о том, что Гордей с ним по видимым успехам сравняется, и информация эта до Большуновой дойдет, Сашка уже не переживал, он давно понял простую истину: быть хозяином бизнеса – это одно, а наемным работником, пусть и с очень высокой зарплатой – совершенно другое, и понимал это во второй половине 1993 года уже не только Сашка, но и все остальные, поэтому никаких шансов с ним по достижениям сравняться ни у Гордея ни у кого-либо другого на курсе уже совершенно не было.

Новый 1994 год Сашка встречал уже по-настоящему богатым человеком, в его активах, помимо восьми сахарных заводов, были банк и финансовая корпорация, а также несколько десятков оптово-розничных компаний со своими складами и отлаженными фасово-упаковочными производствами почти во всех регионах страны, кроме, пожалуй, Крайнего Севера и Дальнего Востока. А еще его холдинг стал очень известным за счет рекламы, крутившейся на всех крупнейших федеральных телеканалах изо дня в день и почти круглосуточно, теперь, стоило потенциальным партнерам увидеть на Сашкиной визитке название его холдинга, они соглашались на сотрудничество почти сразу и с видимым желанием, предлагая Сашке очень выгодные условия такого сотрудничества.

Именно это последнее здорово помогло преодолеть, таки, все проблемы с поставками сахара-сырца, изначально то Сашка с Гордеем даже представить себе не могли с чем столкнутся. В стране за годы без СССР успело развалиться буквально все: порты не были готовы принимать и разгружать суда, на железной дороге не хватало вагонов для грузовых перевозок, а уже загруженные поезда простаивали сутками из-за состояния путей и бесконечных сбоев в расписании, и даже сахарные заводы, казалось, с таким нетерпением ждущие этот самый сахар-сырец, оперативно разгружать его и отлаживать производство оказались не готовы по причине

банального всеобщего пьянства, процветавшего повсеместно толи от радости толи от горя, а вероятнее всего – от всего сразу и вместе.

Еще в ноябре, когда Гордей в первый раз поехал в порты и к железнодорожному начальству договариваться об условиях приема судов, разгрузки/погрузки и перевозки, ему везде дали «от ворот поворот»: не сможем, поскольку просто нет ничего – нет свободных причалов на ваши даты, нет работающих портовых кранов, нет железнодорожных вагонов, нет …, нет…, нет…

Гордей сначала растерялся, но потом, вооружившись пачками наличных и «говорящей» визиткой Сашкиного холдинга, пошел по всем инстанциям вновь, здесь «подмазал», здесь надавил, здесь просто уговорил «подвинуть» других в его пользу и… И все-таки все необходимые договоры заключил. Заключил договоры и выдохнул, думая, что самое трудное позади.

Вернулся в Москву встречать Новый год и сдавать зимнюю сессию.

Праздник отгуляли с помпой. Сначала Сашка закатил для своей компании такой корпоратив, что его потом вся Москва еще долго вспоминала, только приглашенных артистов первой величины было более двадцати, а еще самый фешенебельный московский ресторан и ночной клуб, арендованные аж с 19.00 и до утра следующего дня, и тоже с программой, от фокусников до стриптиза, и главное – столы, которые буквально ломились от черной икры и экзотических фруктов, а элитные алкогольные напитки «лились рекой». И это было только стартом праздника, поскольку проходило в ночь с 27 на 28 декабря.

А едва немного отдохнув, в ночь с 29 на 30 декабря Сашка и все его ближайшие друзья прямо с семьями, причем с семьями в полном составе, включая детей и стариков, на Красной стреле рванули в Питер и, поселившись там в самой известной гостинице всех времен, развлекались на все лады до 2 января. Даже в Мариинку все вместе сходили на «Щелкунчик» вечером 30 декабря. Ну, и саму новогоднюю ночь конечно же отметили тоже все вместе, сначала в полном составе в ресторане отеля, а после двух часов ночи уже только молодежной кампанией поехав в самый известный в Петербурге тех времен ночной клуб.

В Питере были вообще все: помимо самого Сашки и ставшего теперь его непременным спутником на всех развлечениях Гордея, Пашка с Тасей, тремя детьми и мамой, Володя с Юлей, Светочкой и его бабушка с дедушкой, Егор с какой-то новой довольно разбитной подругой, которую никто до этого раньше не видел, но все с удовольствием приняли ее в кампанию, и даже Малышка с тетей Машей и ее близнецами. Последнее было особенно странно, до этого года Оля на праздники всегда уезжала или к родителям в Венгрию, которым после развала СССР, открытия границ и, соответственно, моментально, хоть и временно, упавшего престижа дипломатической работы, вопреки всем ранее действовавшим правилам, продлили срок пребывания там еще на пять лет, или вместе с тетей Машей и близнецами к их отцу Геворку в Армению, а в этом году осталась в России и с удовольствием приняла Сашкино приглашение отметить Новый год вместе. Причин такого ее решения никто не знал, и она сама и тетя Маша отвечали на эти вопросы весьма уклончиво, но и Сашка и Гордей сложившейся ситуации были только рады, Оля-Малышка давно стала им почти родным человеком, пройдя рука об руку с ними прошедшие очень непростые три с половиной года.

Новый год тогда удался на славу, его еще долго потом все участники от мала до велика с необыкновенной теплотой вспоминали, даже Пашка, постоянно контролируемый своими матерью и женой, за все дни ни разу, по своему обыкновению, не напился «до зеленых соплей» и с удовольствием принимал активное участие во всех развлечениях. Да и пресловутая Юлия Юльевна ни в одну историю умудрилась не попасть, разве что перчатки очередные потеряла, но предусмотрительный Володя привез с собой в чемодане аж пять сменных пар на три дня, поэтому очередная потеря показалась всем даже смешной.

И только Сашка где-то совсем в глубине души грустил, что Ани Большуновой с ними не было. Он постепенно начинал осознавать, что все его ровесники уже имеют семьи или хотя бы

постоянных подруг. Взять, к примеру, участников нынешнего празднования: Пашка и Володя женаты, Егор приехал с девушкой, Гордей, правда, был один, но Гордей, во-первых, младше, а во-вторых, очевидно все еще не потерял надежды все-таки когда-нибудь уговорить Малышку быть с ним, а он, Сашка, совсем один, и никто, кроме Ани, ему по-прежнему не нужен, ну не лежит ни к кому душа, и все тут. А Большуновой не нужен он, никакие его успехи ее не впечатляют, она даже интереса никакого к ним не проявляет, вообще, кажется, не замечает Сашкиного существования, полностью погруженная в свою, видимо счастливую, семейную жизнь. И никакого способа это изменить Сашка не видел, совсем не видел, поэтому и грустил.

Глава 19.

Начавшуюся сразу после Нового года зимнюю сессию Сашка сдать не чаял, сам он учебой уже давно не интересовался, а рассчитывать в этот раз на помощь Малышки было бессмысленно, после разделения по специализациям изучаемые ими предметы стали здорово различаться, и ему казалось, что помочь в его экзаменах Оля уже ничем не сможет. Но очень скоро выяснилось, что он ошибается, Малышка еще в поезде, когда они возвращались из Питера, заявила, что с завтрашнего дня они вместе начинают активно готовиться к экзаменам.

Сашка тогда удивился: «Ты же совсем другие предметы изучаешь, чем сможешь мне помочь?».

«Знания лишними никогда не бывают, я весь прошлый семестр периодически лекции и по твоим предметам посещала, когда возможность была, в качестве вольного слушателя, так сказать. Да и учебники по твоим предметам немного проштудировала, в общем, завтра давай увидимся и начнем готовиться.» – ответила Оля.

Сашке ничего не оставалось, как согласиться, и Олю на завтра к себе в гостиницу позвать.

Малышка пришла, и приходила потом перед каждым экзаменом, умудряясь буквально за несколько часов пройтись с Сашкой по всем билетам и вложить в его голову пару-тройку мыслей по каждому вопросу, выражающих самую суть спрашиваемого. У них все получилось, со скрипом и одной пересдачей, на все трояки, но Сашка сессию все-таки сдал.

А потом наступил февраль, и пришли корабли с сахаром-сырцом, и вот тут началась «жопа»: очень быстро выяснилось, что заключенные Гордеем заблаговременно договоры на прием судов и перевозку до заводов никто выполнять не собирается, у всех бесконечные «объективные» проблемы. Сначала порт Санкт-Петербурга, до которого фрахт был оформлен изначально, был закрыт из-за шторма несколько дней, да и когда открылся, выяснилось, что единственный причал для судов такого класса весь обледенел, и никакую разгрузку на нем производить просто невозможно, пришлось срочно перефрахтовывать судно и отправлять его в порт Новороссийска. Убытки, выставленные иностранным перевозчиком за перефрахт, были такого размера, что даже Сашка, впервые увидев этот инвойс, «крякнул». Но пришлось заплатить, никуда не денешься.

В Новороссийске наконец причалили, даже таможенные документы оформили более-менее без проблем, приготовились к разгрузке. Выгружать должны были с борта судна сразу в железнодорожные вагоны, складов то для промежуточного хранения в порту не предусмотрено, но тут выяснилось, что вагоны под погрузку подали для перевозки сельхозпродукции совершенно неподходящие, загрязненные маслами и металлической стружкой, пришлось отказываться и ждать другие. А пока ждешь, судно стоит. Наконец пришли нужные вагоны, выгрузились, повезли. Сашке от иностранного перевозчика окончательный инвойс прилетел, опять колоссальное возмещение убытков, только теперь за несоблюдение скорости разгрузки, а не за перефрахт. Сашка опять «крякнул», но заплатил.

А потом уже было просто смешно, грузовые поезда с сахаром-сырцом к Сашкиным заводам все шли по одной и той же железной дороге, заводы то все у него в одном регионе. Пришли почти одновременно, по несколько составов в адрес каждого завода, а подъездной путь у каждого завода только один. Пока первый состав на заводской колее разгружают, второй просто

на общих путях стоит, напрочь парализуя все движение по этой железной дороге, поскольку путь занят, и ехать остальным, включая пассажирские поезда и даже пригородные электрички, просто негде. Скандал был на всю Тамбовскую область.

В итоге, разрешилось все только к концу марта, и это несмотря на то, что Гордей два месяца, февраль и март, работал вообще без выходных и по шестнадцать – восемнадцать часов в сутки. Не спал, толком не ел, в Москву ни разу ни приезжал, а все-равно убытки колоссальные, чтобы их покрыть, отпускную цену на готовый сахар из этого сырца нужно ставить такую, какой раньше в России никогда не видывали. Вот и спрашивается – кто его теперь по такой цене купит?

В первых числах апреля Гордей вернулся, пошел к Сашке с «повинной головой», но тот на друга оказался не в обиде, расспросил только подробно, какие выводы Гордей из ситуации сделал и, удостоверившись, что опыт тот приобрел теперь действительно бесценный, по-настоящему глубоко разобравшись и в причинах возникновения проблем и в способах их недопущения или решения в будущем, Гордея успокоил, сказав, что убытки покроет из доходов от сертификатной «карусели», там то деньги вообще «из воздуха» появляются.

«В этом году я у финансовой компании часть прибыли заберу, тебе отдам, но в следующем ты должен будешь им возместить, ошибок то таких ты больше не допустишь, я надеюсь, и следующие поставки будут уже в прибыль, а не в убыток.» – сказал тогда Сашка.

Гордей согласился, с учетом накопленного опыта, он, и правда, в следующем году уже рассчитывал существенную прибыль получить, сразу решив контрактовать поставки так, чтобы сахар-сырец не раньше апреля, когда погода в портах будет более приемлемая, в Россию поступал, а до этого момента считал, что нужно на свекле работать, предложив Сашке вложиться не только в будущий сахар, но и в будущий урожай, скупив все на корню, еще в момент посева, чтобы на эти деньги сельхозники заранее и технику новую закупили, и семена в достаточном количестве, и всякие химикаты и удобрения для повышения урожайности и защиты растений. Сашка на его предложение сразу согласился, уж больно дельным оно было.

Но «расплатиться» Гордею с финансовой компанией гораздо раньше удалось, чем изначально планировалось, поскольку он им в одном новом проекте помог, задуманном и реализованном уже следующим летом, но об этом речь дальше пойдет.

Глава 20.

А пока четвертый курс стремительно катился к концу. Уже о курсовиках нужно было задумываться. Сашке пользоваться Малышкиной безвозмездной помощью в учебе становилось уже просто стыдно, остальные за написание курсовика для другого человека деньги брали, а Оля не то, что о плате за свою помощь не заговаривала, она сама постоянно Сашку подталкивала, чтобы вопросы учебы он совсем уже не забрасывал. Но и предлагать Малышке деньги было бесполезно, Сашка отчетливо понимал, что Оля просто обидится в ответ на такое предложение, поскольку ее стремление помочь было искренним и совершенно бескорыстным.

И к бизнесу Малышку не привлечешь, Сашка по-прежнему считал, что бизнес в России начала 90-х совершенно неженское дело, уж очень это занятие опасное, и считал он так не без оснований: и он сам, и все его управляющие, включая Гордея, уже многократно оказывались участниками таких жестких разборок, что только чудом выжить удавалось, а уж уйти полностью без потерь вообще никогда. Их и избивали жестоко, пока «крыша» от Егора успевала подъехать или собственные безопасники, и в подвал на несколько суток без еды и воды сажали, требуя бизнес отдать, и машины для устрашения взрывали. Недаром он службу безопасности в своем холдинге из почти тридцати человек постоянно содержал, да и сам после одной из последних таких жестких разборок ходил везде только с личной охраной из двух человек, а по городу ездил еще и с джипом сопровождения, в котором еще трое охранников, не считая водителя, было. Но все это помогало далеко не всегда и стопроцентной гарантии безопасности не давало. Ему, мужику, войну прошедшему, не давало, что уж о крохотной девушке говорить.

Но вопрос решился внезапно и как бы сам собой, ему однажды в апреле того же 1994 года внезапно прямо в офис Олина тетя Маша позвонила, он сквозь ее рыдания даже не сразу понял, что случилось. Углубляться в выяснения не стал, просто бросился помогать, мигом примчавшись по адресу, который она назвала. И здорово удивился, оказавшись перед дверями отделения милиции.

Володю набрал и вызвал туда же, еще даже внутрь не заходя, как-то сразу понял, что помощь друга-адвоката здесь будет жизненно необходима. И не ошибся – Малышка находилась в «обезьяннике». Без серьезных внешних повреждений, только рука правая перебинтована, но явно в каком-то смурном состоянии, будто с замутненным сознанием, поскольку сидела совершенно неподвижно и молча глядела в одну точку, никак не реагируя ни на тети Машины рыдания, ни на попытки племянников ее позвать, ни на приезд Сашки.

Из сбивчивого рассказа рыдающей тети Маши, стоящей вместе с Олиными племянниками с другой стороны решетки, постоянно перебиваемого стремящимися «вставить свои пять копеек» этими самыми племянниками, Сашка сначала не понял вообще ничего: Олю задержали за попытку кражи из музея в особо крупных размерах, грозят арестом. Абсурд какой-то! Малышка ничего ни у кого и никогда бы красть не стала, а уж тем более из музея.

Сашка уже хотел пойти сам выяснять у задержавших Олю милиционеров что же случилось, но тут, к счастью, подъехал Володя, и сделать Сашке ничего не дал, решительно взяв дело в свои руки.

Примерно через сорок минут Володя спустился, протянул дежурному какую-то бумагу, тот открыл решетку обезьянника, давая возможность Оле выйти, но та даже не пошевелилась, Сашка решительно вошел внутрь и просто вынес ее на руках.

Ничего не обсуждая, поехали все к тете Маше домой. В машине Оля наконец разрыдалась, просто ревела, по-прежнему ничего никому не говоря, но и это уже был явный прогресс.

Дома у тети Маши уложили Олю в спальне, а все остальные собрались на кухне, чтобы разобраться, наконец, что же все-таки произошло.

Более-менее ситуация начала проясняться только когда Володя смог информацию, полученную в милиции, им пересказать.

«Итак, версия директора музея, написавшего на Олю заявление:» – начал Володя, «Оля разбила витрину с посудой еще царских времен и пыталась что-то оттуда достать, чтобы украсть, не получилось, рука застряла в осколках витрины. Оля, пытаясь освободить руку, порезалась сама и всю витрину завалила. Побита посуда, представляющая собой историческую ценность, на общую сумму …».

Тут Володя назвал такую сумму, что тетя Маша только сдавлено пискнула: «Господи, да откуда же нам теперь такие деньги взять, это же даже если квартиру Олиных родителей продать, нам не хватит.», но Сашка тут же ее остановил: «Сумма – не проблема, для меня вполне подъемная, я заплачу.». Тетя Маша в ответ только глаза округлила, несмотря на все внешние атрибуты Сашкиного богатства, поверить, что у Малышкиного друга вот так запросто могут найтись такие огромные деньги она не могла, Сашка же был совершенно спокоен, для масштабов его бизнеса сумма была если не копеечной, то уж точно вполне приемлемой.

Тете Маше эта спокойная Сашкина реакция очень понравилась, она сразу внутренне убедилась в абсолютной правильности своего первоначального решения в самый острый момент позвонить именно Сашке, а не Гордею. И сделала она так вовсе не из-за Сашкиного богатства, давняя безответная влюбленность племянницы именно в Сашку была ей отлично известна, вот и решила тетя Маша посмотреть, как Сашка будет действовать в сложной ситуации, поможет или не поможет, и если не поможет, то почему – просто растеряется или не захочет, решив, что не его это дело. Тогда и можно будет думать, что дальше делать – уговаривать Малышку перестать, наконец, тратить время на бессмысленные мечты о равнодушном к ней мужике, оказавшимся на поверку еще и никчемным человеком, или, наоборот, убеждать, что за такого

достойного мужчину нужно и дальше бороться. Сашка помогал, включился в решение Олиной проблемы сразу, вообще не раздумывая, и делал все искренне, эффективно и совершенно не считаясь с тратами. «Надо Оле за этого Сашку обеими руками держаться,» – сделала тогда вывод тетя Маша, «грех такого мужика упускать, нельзя его никому другому отдавать.».

«Платить пока не стоит,» – остановил их Володя, «нужно сначала у Оли спросить, что же на самом деле произошло. Вы же не думаете, что она, действительно, украсть из музея что-то пыталась. Вот и нужно разобраться и доказать, что никакой попытки кражи там и в помине нет. Скорее всего, она вообще витрину эту случайно задела.».

«Заплатить, правда, потом все-равно придется, даже если случайно, ущерб-то причинен, и ущерб существенный, но это уже совсем «другой коленкор», как говорится.» – добавил Володя после паузы.

«Да заплачу я, говорю же, не проблема.» – вновь почти отмахнулся от его последних слов Сашка, «И, если тебе эта оплата поможет быстрее ситуацию разрешить и обвинения в краже с Оли снять, давай прямо сейчас это сделаем, не откладывая. Для меня сумма несущественная, а Оля себя сейчас чувствует так, будто над ней «Дамоклов меч» завис, ты же видишь, в каком она шоке, даже не говорит ничего, только плачет, вот и давай его снимем, этот меч, да поскорее.».

«Ну, как скажешь!» – вздохнул Володя, «Поехали тогда прямо сейчас на несчастный случай договариваться, упала мол, витрину задела случайно, а кражи никакой не было. Ущерб готовы возместить. Думаю, в милиции только рады будут дело таким образом поскорее закрыть.».

«Поехали.» – только и ответил Сашка, вставая.

Уже к вечеру вся ситуация для Оли благополучно завершилась, в милиции сами вызвали директора музея, сами предложили ему решить дело миром, без голословных обвинений в краже, но с возмещением ущерба, конечно же. Сам он решение принять не смог, сославшись на то, что посуду историческую никакими деньгами не заменишь, но, позвонив в Департамент культуры, которому музей подчинялся, получил добро на выкуп аналогичной коллекции на аукционе, который как раз в те дни должен был проводиться под эгидой крупнейшего международного аукционного дома, именно в то время впервые на российский рынок выходящего.

Вот именно необыкновенная «быстрота» решения этого вопроса Сашку с Володей тогда как-то в глубине души и царапнула. Нет, коллекцию посуды Сашка, конечно же, на аукционе купил, и Оля ее музею торжественно в счет возмещения ущерба передала. Все вопросы к Оле закрыли, а «осадочек», как говорится, остался, тем более Оля, придя в себя, на следующее утро четко сказала, что на витрину ее толкнули, толкнули грубо и явно намеренно, а перед этим толчком ей дедок какой-то уж очень интеллигентного вида с возмущением сказал, что в витрине явная подделка стоит, а не царская посуда. И в шоке она была вовсе и не от страха перед несправедливыми обвинениями в краже, они ей настолько абсурдными казались, что она даже в расчет их не брала, не думала, что хоть кто-то может в них поверить, она просто очень испугалась, когда руку пораненную из витрины не сразу смогла вытащить, решила почему-то, что сейчас вены битым стеклом себе повредит и кровью моментально истечет, никакая скорая приехать не успеет, чтобы ее спасти.

Всю эту информацию Сашка с Володей «правильным» людям в милиции и донесли, те не поленились, изъяли осколки разбитой посуды для исследования, благо, их не все утилизировать удалось, некоторые уж больно далеко по залу разлетелись и под другими витринами завалялись. Экспертиза однозначно установила, что в музейной витрине были подделки, а вовсе и не раритеты из запасников музея.

Стали это дело раскручивать, довольно быстро установили, что подлинники из запасников музея последние пару лет регулярно тот самый директор выносит и на сторону продает, только до поры до времени никто ничего не замечал. А тут разнарядка сверху пришла – устроить временную выставку с экспозицией царской посуды. Директору деваться было некуда,

посуда то по документам есть, а в реальности ее давно и «след простыл». Купил директор спешно в каком-то ломбарде лабуду похожую и сунул в витрину, но ему не повезло – среди посетителей ценитель оказался, отлично в царской посуде разбирающийся, он и заподозрил подделку. Раз пришел, посмотрел, пошел к директору, сказать, что с посудой в витрине что-то не так, тот его в первый раз просто послал подальше. Но посетитель этот, тот самый дедок, который и Оле о подделке в витрине позже сказал, не успокоился, каждый день в музей ходить продолжал, все посуду в витрине рассматривал. Директор уже зубами скрежетал, не зная, как его отвадить.

А в тот самый день дедок, придя в очередной раз в музей, окончательно в подделке удостоверился, о чем и начал всем вокруг говорить, и Оле в том числе. Пришлось директору действовать, решил он «случайно» разбить злополучную посуду, чтобы подделку скрыть, а Оля ему просто под руку подвернулась. Но все пошло не совсем по его плану, толкнул он Олю, а она слишком маленькая оказалась, на витрину налетела, но разбила только стекло защитное, а не саму посуду, да еще и застряла в осколках рукой. Пока руку выдергивала, завалила, таки, витрину, это многие видели, вот и решил директор даже не на несчастный случай все списать, а на попытку кражи, и написал на Олю то самое заявление.

И роль «куратора» директора из Департамента культуры довольно быстро в деле прояснилась, не просто так он сразу информацию о нужном аукционе выдал, он с директором музея с первых дней в сговоре был, сам говорил ему какие вещи из запасников выносить, да кому и за сколько продавать, ну, и долю основную от выручки себе забирал, конечно же. А когда разнарядка на выставку посуды пришла, забеспокоился, стал присматривать на всякий случай варианты, как в случае чего «отползти» так, чтобы не сесть. Вот подходящую коллекцию на том самом аукционе и приглядел заранее.

Дело тогда, по итогу, громкое вышло, все газеты еще несколько месяцев трубили, как в новой России деятели культуры и искусства из музеев воруют.

Только Оля здорово переживала, что Сашке из-за нее деньги напрасно пришлось потратить, но Сашка ее успокоил: «Я же не только для тебя и из-за тебя, я в музей, для всех людей, вещь хорошую купил, так что и нечего переживать!», а про себя подумал, что все вообще неплохо складывается: и музею помог и с Олей хоть немного, но все-таки за помощь в учебе расплатился. Можно и дальше продолжать помощью ее пользоваться почти без зазрения совести!

Глава 21.

Вот и вскоре после завершения этих памятных событий Малышка должна была к нему в гостиницу прийти, чтобы тему для его курсовика, наконец, вместе с ним выбрать, и начать уже его писать.

Договорились на утро субботы, ну, как на утро, вообще-то Оля должна была приехать к полудню, но для Сашки по выходным в полдень день обычно только начинался. Договорились еще в среду в универе, и к субботе Сашка об этом напрочь забыл. Они с Гордеем еще с вечера пятницы были в загуле: сначала ужинали в ресторане, потом поехали в ночной клуб, там сняли пару «свежих девочек» с еще не примелькавшимися им лицами, съемом то подобным они, почитай, каждую неделю, да не по одному разу занимались, мужская плоть требует, ничего тут не поделаешь, вот многие московские эскортницы и прочие девушки «с пониженной социальной ответственностью», как сейчас говорят, им уже и примелькались. Привезли девах к себе в гостиницу и разбрелись с ними по комнатам. Развлекались до самого утра, потом уснули, а ближе к полудню Сашка как раз и проснулся, проснулся с устойчивым утренним стояком и одной из девах в постели.

Вот эту деваху он сейчас и драл нещадно прямо в гостиной, поставив перед собой раком. Драл прямо в жопу, а чтобы сподручнее было, намотал ее волосы себе на кулак, заставляя тем самым выгибаться в нужную ему позу. Девица, надо заметить, вовсе и не против была, подвы-

вая периодически одобрительно в такт его движениям, правда уж, ей все нравилось или заработать так побольше планировала, Сашка не знал, да его это, надо признаться, не особо и интересовало. Отымеет, расплатится, по обыкновению щедро, и выгонит, нафиг она ему дальше не сдалась.

И тут в номер вошла Малышка. Вошла из коридора прямо в гостиную, никакого «предбанника» то в гостиничном номере не предусмотрено. Вошла, увидела Сашку с девахой и замерла с широко раскрытыми от ужаса глазами. Сашка не сразу ее заметил, обернулся только когда услышал сдавленный хрип, с которым Оля в обморок упала.

В ту же секунду Сашке стало неимоверно стыдно, смущать, а вернее, оскорблять Олю подобным зрелищем он совершенно не собирался. Ничего особенного в его поведении не было, девахи типа этой эскортницы и не к такому были привычные, но именно они, а не трепетная Малышка, у которой и мужчины то могло еще в жизни вообще ни разу не быть.

Деваху Сашка мигом выставил чуть ли не пинками, и толком не дав одеться, кинув, правда, ей вслед пачку с десятью тысячами долларов. Поймав деньги, прелестница, удаляясь по коридору, только довольно скалилась, посчитав, что клиент просто идиот – сам даже толком не кончил, а заплатил как за несколько дней жестоких извращений.

Сашка натянул трусы и домашние брюки, ворвался в спальню к Гордею, который еще просто спал, обнимая свою вчерашнюю визави, и, проорав: «Гони ее в шею, там Малышка пришла!», ринулся назад в гостиную реанимировать Олю.

Пока Сашка занимался Олей, Гордей успел не только вторую деваху из их номера прогнать, но даже чуть прибраться.

Сашка же все это время просто гладил Олю по голове, приговаривая: «Малышка, посмотри на меня, все хорошо, нечего бояться, тебе все привиделось!».

Толи Оля и правда поверила, что ей все привиделось, толи предпочла сделать вид, что поверила, но минут через пятнадцать они втроем уже довольно мирно пили в гостиной чай с доставленными консьержем прямо в номер свежими плюшками и обсуждали Сашкин будущий курсовик.

Реакцию Малышки на эту сцену сам Сашка вспоминал еще долго, и вспоминал с неизменным острым чувством стыда, но выводы он сделал, от греха подальше, Олю теперь к себе в гостиницу он вообще никогда заранее не приглашал, назначая такие встречи только у себя в офисе. И Гордей делал тоже самое, хоть между собой они этого никогда и не обсуждали, оба понимали, что в их жизни есть вещи, точно для Олиных глаз не предназначенные, оскорбительные для нее, а унижать Малышку они оба считали для себя недопустимым.

Глава 22.

Четвертый курс закончился также, как и три предыдущих, в июне все сдали экзамены и защитили курсовые работы, Оля, как всегда, на отлично, Гордей чуть хуже, все-таки работа у него теперь очень много времени отнимала, Сашка, Олиными стараниями, тоже вполне успешно, для него успешно – на все трояки.

Малышка традиционно почти сразу после экзаменов уехала на все лето сначала к родителям, потом на море с тетей Машей и племянниками, а Сашка с Гордеем продолжали вкалывать, бизнес то дело круглогодичное.

Гордей вновь улетел в Лондон заключать контракты на поставки сахара-сырца в следующем году, теперь он уже точно знал, что и как нужно делать, да и все ошибки прошлого сезона при заключении этих контрактов намерен был учесть, сразу их не допуская, поэтому вернуться планировал уже в августе, чтобы вплотную заняться другим направлением – контролем за выращиванием нового урожая сахарной свеклы, которого им в этом году должно было хватить для загрузки Сашкиных восьми заводов не до декабря, как несколько последних лет, а до самого апреля, когда следующие партии сахара-сырца придут.

А Сашка усиленно думал над вопросом: «Куда девать деньги?», да-да, «сертификатная карусель» приносила его финансовой компании такие доходы, что купленный год назад небольшой банк от них буквально «ломился». И деньги эти нужно было куда-то вкладывать, вопрос был только в том – куда? И решение этого вопроса Сашке внезапно подсказал никто иной, как Малышкин отец.

Когда одним жарким июльским днем секретарь в офисе сказала Сашке, что его спрашивает некий Олег Иванович Малышко, представившийся отцом его сокурсницы Ольги Малышко, и спросила можно ли его соединить, Сашка поначалу испугался, решив, что Оля опять попала в беду, и спешно ответил, но мужской голос на том конце провода звучал совершенно спокойно.

Всего, что предшествовало этому звонку, Сашка, конечно же, не знал, а предшествовало ему многое: после Малышкиной истории в музее, участие Сашки в благополучном разрешении которой ее тетя Маша оценила не просто высоко, а очень высоко, эта самая тетя Маша начала активно пропагандировать перед Олиной родней, и Олиной мамой, в первую очередь, Сашку, как главного и самого желательного претендента на роль Олиного жениха. Вопрос о том, как помочь Оле обратить на себя его внимание обсуждался теперь между всеми старшими женщинами с фамилиями Малышко (которую носили Олина мама и бабушка по отцовской линии) и Снегиревы (к коим относились тетя Маша, Олина бабушка по маминой линии, и которую Олина мама носила до замужества) очень активно. Сама Малышка никакого участия в этом обсуждении не принимала, для нее желание выйти замуж за Сашку итак было неизбывной мечтой уже четыре года, вот только как в достижении этой мечты продвинуться она совершенно не представляла, а старшие женщины пока не торопились давать ей советы, не без оснований считая, что «бить нужно один раз, но наверняка», а для этого нужно выработать очень четкую и продуманную стратегию. Вот выработкой такой стратегии они все в своих почти ежедневных обсуждениях и занимались, но пока ни к какому единому мнению не пришли. Вольно или невольно, но отголоски этих обсуждений доходили и до Олиного отца, и в какой-то момент ему самому стало интересно с этим пресловутым Сашкой, которого все женщины рода Малышко так явно хотели видеть членом их семьи, познакомиться поближе.

Но к решению этого вопроса Олин отец подошел совершенно по-мужски, рассудив, если немного перефразировать известную формулу сватовства, примерно так: «У нас товар, у вас купец!», а раз у него «товар», то этот «товар» нужно умело продавать, но прежде чем продавать, нужно сначала побольше про «купца» узнать, ответив самому себе на два вопроса, во-первых, хочет ли он, как продавец, вообще свой товар этому купцу продавать и, во-вторых, если хочет, то что представляет из себя купец, как его своим товаром можно заинтересовать. Предварительное изучение «купца» через доступные источники информации он провел, по итогу, сочтя Сашку вполне достойным кандидатом в мужья для своей дочери, теперь предстояло познакомиться с Сашкой поближе, чтобы попытаться понять почему за четыре года знакомства Олей он так до нужной степени и не впечатлился. И знакомство это ни в коем случае не должно было быть навязчивым, он же не собирался, и впрямь, продавать Сашке свою дочь в прямом смысле этого слова, предлагая тому какие-то бенефиты от брака с нею, он просто хотел узнать Сашку поближе, чтобы попытаться понять, что тому нужно для счастья, какой он видит «женщину своей мечты». И для такого ненавязчивого знакомства Олиному отцу был нужен внешний повод, с Олей никак не связанный, лучше всего деловой. И этот повод отец Оли некоторое время довольно усиленно искал.

Искал, искал и вот теперь нашел. Нашел и сразу позвонил Сашке в офис.

«Здравствуйте, Александр, надеюсь, могу обращаться к Вам без отчества, меня зовут Олег Иванович, я отец Оли Малышко.» – произнес в трубку Сашкин собеседник.

«Здравствуйте, Олег Иванович, рад знакомству. Конечно, можно без отчества, а Вам можно даже на ты. Надеюсь, у Оли все хорошо?» – ответил ему Сашка.

«Оля в порядке, спасибо, но речь сейчас не о ней, у меня к Вам, вернее к тебе, вопрос по твоему бизнесу.».

«Слушаю.» – коротко отозвался Сашка.

«Я много лет служу по дипломатическому ведомству, жил в нескольких странах, об этом ты, думаю, знаешь. Живу все эти годы при посольствах в этих странах, сначала советских, теперь вот российских. Завел за это время довольно много друзей из числа тех, кто одновременно со мной в той же стране служил, и далеко не все из них служили по дипломатическому ведомству. При Союзе за границу не только дипломаты выезжали, но и представители экспортных организаций, например, которые еще во времена СССР контракты на поставку советской продукции в различные страны заключали. Вот об одном моем друге, как раз из СовМашЭкспорта, речь и пойдет, он до сих пор там работает, только сидит теперь все время в Москве, как-то не стало экспорта наших машин и механизмов в последние годы. Союза нет, экспорта нет, а организация до сих пор есть.

И на счетах этой организации остались существенные деньги в валютах, которые не относятся к так называемым свободно конвертируемым, в индийских рупиях, например. При Союзе как было: советские машины и механизмы через СовМашЭкспорт продавали в разные страны, в ту же Индию, к примеру, оплату получали в валюте этих стран. Валюту отправляли в бюджет, на нее уже другое ведомство закупало то, что в Союзе нужно, да тот же индийский чай, а СовМашЭкспорту давали рубли, за счет которых организация эта и жила, зарплаты выплачивала, ну, и прочие нужды покрывала. А потом почти в одночасье все развалилось, теперь ни машины не продаем, ни чай не закупаем, и валюту в бюджет не отправляем, но и рублей больше не получаем.

Вот такие дела. На счетах миллионы, а люди месяцами без зарплаты. И что с этим делать, совершенно непонятно, чай или что другое на эти деньги купить и здесь продать опыта нет, просто никто не знает, как это делается.

Такова предыстория моего к тебе вопроса, Саша, а теперь, собственно, сам вопрос – рассказала мне тут Оля про твою историю с сахаром-сырцом, вот ты умеешь и покупать и продавать, и деньги у тебя, похоже, есть, и не просто деньги, а очень необходимые людям из СовМашЭскпорта рубли. Выслушал я Олин рассказ и подумал, а нельзя ли за сахар-сырец твой теми самыми рупиями заплатить? СовМашЭкспорт бы купил в Индии для тебя сахар-сырец, сахарный тростник, из которого этот самый сырец делают, там растет, я узнавал, он же за него бы и оплатил рупиями, а ты бы его получил, продал, и с СовМашЭкспортом рублями расплатился. Они бы хоть долг по зарплате покрыли. Как тебе такая идея?».

«Отличная идея, только надо ее обмозговать со всех сторон.» – ответил Сашка, «Мне с СовМашЭкспортом через Вас связываться или контакт напрямую дадите?».

«Давай напрямую, мне тут посредничать ни к чему, я ради людей это предлагаю, а не ради денег. Записывай телефон … Спросишь Трунова Василия Федоровича, скажешь, что от меня.» – ответил собеседник.

Сашка записал телефон, коротко попрощался и отключился.

Глава 23.

Новую бизнес-идею Сашка начал обдумывать сразу же, да не просто обдумывать, уже через пять минут он звонил Гордею в Лондон, ее пересказывая и давая указание «провентилировать» что там да как. Гордей указание принял и понесся все выяснять.

А сам Сашка тут же позвонил Трунову, представился, сказал, что предварительно в сотрудничестве заинтересован и уже дал указание собрать в Лондоне необходимую информацию. Договорился лично встретиться и познакомиться через пару дней, когда из Лондона ответ получит.

С сахаром-сырцом идея не реализовалась, товар этот оказался не просто биржевым, он буквально «на корню», еще в виде тростника, скупался той самой транснациональной корпо-

рацией со штаб-квартирой в Лондоне, с которой Гордей заключал и прошлогодние и нынешние контракты, но Сашка не сдался, срочно командировав Гордея в Дели.

И уже через неделю Гордей ему доложил, что тема вполне может быть развита, но не с сахаром-сырцом, а с чаем. Вот этот товар Индия всегда поставляла в СССР напрямую, минуя биржевых перекупов, и была бы очень даже рада продолжать поставлять уже в новую Россию, причем с оплатой именно в рупиях.

Сашка тут же встретился с Труновым и быстро понял, что нащупал еще одно «золотое дно» – положение СовМашЭкспорта после распада СССР было настолько плачевным, что отдать те самые рупии хоть за какую-то, пусть и очень отдаленную перспективу получения рублей, там считали «за счастье». И совершенно не представляли сколько рублей они хотят за каждую рупию, курс то этих валют друг к другу больше никто не устанавливал, это же не доллары США или немецкие марки, например.

«Если хотя бы долг по зарплате за один месяц покрыть удастся, я и то счастлив буду.» – говорил Сашке на первой встрече с тяжелым вздохом Трунов, оказавшийся директором того самого СовМашЭкспорта, но назначенным совсем недавно, уже после распада СССР, «Других-то возможностей с людьми рассчитаться у меня все-равно совершенно никаких нет.».

«Предлагаю обмен по последнему еще советскому курсу, как единственно нам известному,» – произнес Сашка, «и пятьдесят процентов денег дам вперед, при заключении контракта, а окончательно рассчитаюсь сразу после прибытия каждой партии в Россию.».

Трунов чуть на стуле не подпрыгнул от радости, ему Сашкино предложение показалось очень щедрым, и денег сулило гораздо больше, чем весь долг по зарплате, да еще и значительную часть обещали вперед!

Но и Сашка рассчитывал остаться совсем не внакладе, держа в уме, что рупии – хоть и не свободно конвертируемая, но все же валюта, а курсы всех валют за послесоветские годы выросли не просто в разы, а в тысячи раз, взять, к примеру, доллар США – летом 1985 года он стоил 70 копеек, а летом этого, 1994 года, уже подбирался к 2 000 рублей.

Первая в истории новой России факторинговая сделка между Сашкиным холдингом и СовМашЭкспортом была заключена уже через пару дней. Конечно, она не была в полном смысле факторинговой, тогда и слова то такого в новой России никто не знал, также как в истории с Сашкиными сертификатами никто не знал слова «варранты», но начало было положено, и положено оно было Сашкой.

И как любой первооткрыватель, заработал Сашка на этой сделке столько, что даже представить себе было трудно, он даже заработком этим с СовМашЭкспортом поделился, заплатив им после поступления первой партии триста процентов сверх оговоренного в контракте. Поделился исключительно по собственной инициативе, к невообразимой почти щенячьей радости ничего подобного не ожидавшего Трунова, но заплатил, думая про себя: «Только бы не соскочили!».

Не соскочили, до конца 1994 и в первой половине 1995 года Сашка сумел «вытащить» со счетов СовМашЭкспорта не только все рупии, оплатив ими несколько крупных партий чая, но и все прочие «экзотические» валюты, типа Бразильского крузейро, который как раз в то самое время в Бразилии, в ходе денежной реформы, меняли на современный реал, оплатив им также несколько очень крупных партий, но уже не чая, а кофе.

Гордей бесконечно мотался по миру, заключая эти контракты, проводя в полетах, порой, по несколько суток почти подряд, с небольшим перерывом на стыковку, и отсутствуя дома неделями, но он был этим вполне доволен – свой прошлогодний долг финансовой компании он выплатил еще с самой первой такой сделки, а с остальных заработал достаточно, чтобы сразу купить себе квартиры и в Лондоне и в Москве, поскольку жить у Сашки в гостинице приживалкой он больше не собирался, ему было просто незачем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.